

Кабдеш Жумадилов

ЛЕБЕДИ В ЗАПАДНЕ

Этот труд я посвящаю памяти женщин,
невинно замученных в лагере АЛЖИР.

Автор

I

В этом году в Арке¹ выпал густой снег. Во всей округе ни живой души. Словно накрывшись белым саваном, лежит, безразлично замерев, бесконечная, обширная степь. Кажется, всё живое покинуло эти края и ушло в другие места. Кто поверит в то, что ещё каких-то четверть века назад на этих бескрайних просторах Сары-Арки – Золотой степи, невзирая на зимнюю стужу и взбивая густой снег, как пух, тебеневали тысячи, миллионы лошадей? А народ? Где же тот строптивый непокорный народ, который в 1916 году разом сел на коней, не желая отдавать своих сыновей в царскую армию? Кто поверит, что ровно век тому назад сарбазы хана Кенесары лихо носились по всему краю, наводя ужас на царских колонизаторов, и даже прогнали из крепости Акмола целый полк русских солдат?!

Да, край этот давно остался без хозяев, а землю покинула благодать. Казахская степь сейчас как будто совершенно опустела. Сознание народа померкло, лишён он дерзости и непокорности. Национальный дух угас. Вожди, возглавлявшие его, ушли в небытие, остался один лишь смиренно сидящий под колпаком сброд, которому едва ли под силу преодолеть даже небольшие перевалы преград. Нынче по степи этой бродят привидения. Фантомы аруахов. Во время конфискации 1928 года народ лишился всех четырёх видов скота², а в разгар искусственно организованного голода 1932 года люди мёрли, как мухи, и останки трёх миллионов погибших казахов остались не погребёнными и лежали, разбросанные по всей необъятной степи, а души их, не желая покидать свою родную обитель, неприкаянно парят под небом своей родины... Не испытывавший доселе ничего подобного, наивный, словно дитя, и доверчивый народ лишь только сейчас стал понемногу осознавать, кому и для чего нужно было наслать на него такое страшное бедствие...

Журнальный вариант. Полный текст повести вы можете прочесть в сборнике повестей К. Жумадилова «Слёзы академика», издание которого ожидается в первой половине апреля. В книгу вошли повести «Одинокая туранга», «Слёзы академика», «Лебеди в западне», «Таримская преисподня» и «Сикстинская Мадонна степи».

¹ Сокращённое название Сары-Арки – Золотой степи, обширной ковыльной степи в Центральном Казахстане.

² У казахов вся домашняя живность – лошади, верблюды, крупнорогатый скот и овцы.

Прошло немного времени с тех пор, как сани с впряжённым в них конём начали свой путь, медленно скользя по затвердевшему снегу и оставляя на нём еле заметный след. Если бы в них не сидели трое людей, то никто бы не подумал, что в этих местах есть хоть одна живая душа. То, что стало предметом разговора между ними, были не просто обыденные вещи, а выплеск бушевавших в голове у Дамели неотступных мыслей. Затаившаяся в глубине душе печаль-кручина, теснившаяся в сердце обида вырывались наружу. Все дни язык на застёжке, рот на замке. Однако пусть на слова и действия установлены ограничения, но никому ещё пока не под силу стреножить человеческую мысль. Мечты молниеносны, мысли быстролётны. И всё-таки на то, чтобы всё продумать, нужно время. В мгновения, когда остаёшься наедине с самим с собой, даёшь волю сожалению, раскаянию и поддерживаешь себя воспоминаниями о былом и ушедшем.

В саях кроме Дамели сидели ещё две женщины. Все они узницы АЛЖИРА, отбывающие там наказание. Выехав с животноводческой фермы, расположенной за дальним холмом, они направляются в лагерь. Раньше это исправительное учреждение называлось 26-м отделением Карлага. А с 1938 года оно стало местом заключения одних только женщин и стало именоваться АЛЖИР. Это аббревиатура. По-русски расшифровывается как Акмолинский лагерь жён изменников родины. Место дислокации не сам город Акмолинск, а безлюдная степь в сорока километрах от него.

Дамели, желая засветло добраться до лагеря, пыталась было подстегнуть камчой толстобрюхого и густогривого гнедка, но тот пробежал немного лёгкой рысью и вновь перешёл на медленный размеренный шаг. Из трёх этих женщин Дамели – врач, а Азиза – ветеринар. Обе молодухи, им немного за тридцать. По долгу службы они имеют возможность объезжать фермы. А годами постарше третьей женщине – Гульжамал давно уже за сорок, она работает чабаном. Начальник караула вчера ночью запер её в кошаре якобы за неподчинение приказу, она застудила лёгкие, и вот теперь её везут в больницу, которая находится в лагере. Раньше в таких поездках к заключённым приставляли конвоира с ружьём. Позже до начальства, видимо, дошло, что женщинам и бежать-то некуда, а возможно, фронту дополнительно потребовались люди, поэтому число охранников уменьшилось. С тех пор скотницы могли свободно передвигаться между фермой и лагерем.

Кстати, о фронте. В прошлом году от пленных женщин целый год скрывали то, что Германия объявила войну Советскому Союзу! Начальство не доверяло узницам и полагало, что они могут симпатизировать вражеской стороне... Первые два года им не разрешали писать и получать письма. Пленницы чувствовали себя, как на необитаемом острове, куда из внешнего мира не доходят никакие вести. Только тогда, когда врагу дали отпор, и он начал отступать от Москвы, стали наконец поступать новости о ходе боевых действий. Письмам с фронта открыли доступ. Судя по ним, боевой дух бойцов был высоким, и все они писали заученные фразы: «Мы гонимся по пятам за фашистскими гадами, нарушившими договор о мире и вероломно напавшими на нашу родину. Победа будет за нами». Но кто объяснит толком этим томящимся в лагере, задыхающимся от притеснений невинным душам, которые и оружия-то в руках никогда не держали, у которых еда застревает в горле от обиды, на чьей же стороне должны быть притесненные инородные нации, подобные казахам? Но там, на фронте, сражаются их родные...

– Ну, как вы, Гульжамал-апай? Кажется, жар у вас уже спал? – спросила вдруг, оборачиваясь назад, белолицая, со сверкающими глазами Дамели, всегда старавшаяся быть в хорошем расположении духа.

– Шукур³, мне стало немного легче, – ответила на этот раз более бодрым голосом Гульжамал, на голове у которой была старая шапка-ушанка, перемотанная тряпьем, – да что со мной делается, я семижилная. Ты лучше расскажи, как там наши ребята на фронте ...

– Да что вы за них так переживаете. Они там не одни, не сидят, как мы под замком, рядом с ними тысячи таких же, как они, парней, – сказала, вмешавшись в разговор, сидевшая рядом с ней Азиза.

В свое время Азиза была женщиной очень видной, привлекавшей всеобщее внимание. Сейчас же она исхудала и поблекла, к тому же ветхая одежка придавала ей очень жалкий вид.

Да, сейчас братья, родственники и даже сыновья здешних женщин-заклѳенных сражаются на фронте. Недавно от старшего сына Гульжамал Аукуена пришло письмо. Когда в 1937 году арестовали его отца, он был шестнадцатилетним юношей, а вот теперь уже вырос, настоящим джигитом стал. Пишет: «Чем мозолить всем, кому не лень, глаза, что я сын врага народа, решил избавиться от этого позорного клейма и записался в батальон штрафников». Сейчас Аукен на фронте. Говорят, «штрафников» направляют на фронте в самое пекло, туда, откуда обычно возврата нет. Кто знает, какая участь ожидает бедного мальчика.

Все три женщины, сидевшие в санях, знают друг друга уже давно. Дамели и Азиза – жѳны министров, специалисты с высшим образованием. А супруга знаменитого писателя домохозяйка Гульжамал, хотя имела лишь начальное образование, но была женщиной мудрой, всякие виды выдавшей и пятерых детей воспитавшей. Все они теперь, кроме Аукуена, разбросаны по разным детским домам Советского Союза. Следовательно, скорби и печали у Гульжамал вдвое поболее, чем у других. Когда Дамели спросила у неѳ: «Апай, почему вы решили, что вам сподручнее будет пасти баранов?» – она сказала: «Хочу ходить в безлюдной степи за отарой и, не стесняясь никого, вдали от посторонних глаз оплакивать своего Биагу и детей». Другие женщины уважали Гульжамал, у которой приключилось такое страшное горе.

У всех троих мужей арестовали осенью 1937 года почти в одно и то же время. На первых же допросах их жестоко избили, а спустя некоторое время они словно в воду канули. Сотрудники НКВД сказали: «Ваших мужей приговорили к десяти годам ссылки и угнали по этапу в Сибирь». Ну а некоторые утверждали: «Те, кого назвали “врагами народа”, давно уже расстреляны». Кому из них верить? Сейчас заклѳенные женщины перестали уже вспоминать своих мужей. Говорят всё больше о детях, оставленных без присмотра и сданных в детдома. Что бы там ни говорили люди, но казахские женщины, не желая верить, что их мужья уже мертвы, утешали себя тем, что каждый настоящий мужчина, одетый в кебенек⁴, когда-нибудь возвратится, и надежды своей не теряли. Образованные женщины, прибывшие из Москвы, Ленинграда, из столиц других республик, оборвали и эту едва теплившуюся надежду. И русские, и украинки обычно говорят всё, как есть, ничего при этом не тая. Они сразу же выложили горькую правду: «Запомните, ни одного из мужей женщин, направленных в лагерь, уже нет в живых. Если муж объявлен врагом народа и не расстрелян, то жену его сюда бы не пригнали». Ну как же не поверить людям, которые прибыли прямо из Москвы и жили чуть ли не у самых стен Кремля?!

Дамели снова повернулась к сидевшим сзади спутницам и заговорила более громким, чем обычно, голосом:

³ «Слава Богу!» – при ответе на вопрос о самочувствии и здоровье.

⁴ Верхняя мужская одежда из войлока, похожая на бурку.

– Гульжамал-апай, вы ложитесь пока в больницу, принимайте лечение. Я напишу о том, как над вами издевался начальник караула и бумагу эту вместе с отчётом о состоянии вашего здоровья передам начальнику лагеря. Если кто-то начнёт проверять, то не увиливайте, расскажите всё, как было.

– Сестрёнка Дамеш⁵, зачем огонь раздувать, дело ведь уже прошлое, – вяло и нехотя ответила ей Гульжамал. – А если вдруг он загаит на меня обиду и будет измываться надо мной пуще прежнего?

– Дело это безнаказанным оставлять нельзя! – строго, категоричным тоном заявила Дамели. – Промолчишь, вообще ни во что ставить не будут... Случаем, не сочувствуете ли вы начальнику караула? Похоже, он явно запал на вас...

– Прекрати нести всякую чушь! Когда есть такие, как вы молодухи, то мне ли кокетничать с мужиками?!

– А как всё это произошло? Расскажите с самого начала! – вмешалась в разговор Азиза, не знаящая всех подробностей случившегося.

– Ой, Тайир-ай⁶, да всё этот сумасшедший начальник караула. Как его там зовут, Мазепа, что ли?

– Да, он самый. Вижу, даже имя его выучили, – сказала Дамели, обращая всё в шутку.

– Так вот, этот самый Мазепа изредка заезжает на ферму. Приходит он, думаю, туда, чтобы подальше от посторонних глаз, в уединении поднять себе настроение. Скотина, мясом которой никто не станет баловать наш желудок, в их распоряжении. Иногда он приказывает резать ему барана, приготовить из него куырдак и отварить сорпу⁷. И выпивку с собой в коржуне приносит. До этого слышала, что, когда он напьётся, то насилует наших скотниц... Я ни о чём не подозревала, разбирая сено скоту, вернувшемуся с пастбища. В соседнем помещении охранники ели мясо, пили водку и о чём-то галдели. Вдруг ко мне незаметно, словно волк, который хочет завалить овцу, подкрался Мазепа, ни слова не говоря, схватил меня за локоть и потащил за собой в глубь кошары.

«Эй, в чём дело? Чего тебе надо?» – говорю я ему на своём ломаном русском. «А ты не знаешь, для чего нужна баба? Хочу от души оттянуться с тобой!» – говорит мне этот албасты⁸, нагло суёт руки мне под подол. Слава Богу, я изловчилась и вырвалась. Возле входа в кошару стояли вилы, с ними наперевес я и кинулась на него. «Язви тебя в душу! Ты, я вижу, уж очень охоч до баб, ну-ка, подойди, посмотрю, насколько ты силён! Вначале проколю тебя вилами, а потом и на себя руки наложу. Ты же, поганец, ногтя моего мужа не стоишь!» – крикнула я ему, мешая в одну кучу русские и казахские слова, и как пошла потом крыть его матом.

Хотя с виду он мужик грозный, но на деле оказался трусом: трясясь за свою шкуру, спрятался в соседнем помещении. Ну, думаю, теперь уж угомонится. Нет, всё вышло иначе. Следом он привёл двух охранников, побили они меня и привязали к стойке кошары. Я там простояла, трясясь от стужи, до самого утра. Хотя на мне и был тулуп, но он меня не спас, лютый мороз до самых костей пробрал.

– Это зверство Мазепы и вправду нельзя оставлять безнаказанным! Будет проверять это лагерное начальство или нет, в любом случае мы всё равно должны выразить свой протест! – захлёбываясь от гнева, крикнула Азиза.

Дамели была погружена в свои мысли. Только что прозвучавший рассказ Гульжамал разбередил старые раны и пробудил в ней отчаянный гнев, дремавший в

⁵ Краткая ласкательная форма обращения к Дамели.

⁶ «О, Господи!» – здесь, как и междометие «тайири», выражает недовольство, пренебрежение.

⁷ Мясной бульон.

⁸ Исчадие ада, противный, мерзкий человек.

глубине души. Она хотела было прямо сейчас выложить женщинам всё, о чём думает, но остановила себя. Азиза бы ещё поняла её горечь, а Гульжамал могла и не воспринять сказанное. Кто знает, может, в порыве гнева, она проговорится кому-нибудь об этом.

Да и в лагере, не считая нескольких женщин, вроде Азизы, никому другому исповедоваться не станешь, печаль свою не изольёшь. Вокруг полно шпионов, доносчиков, осведомителей. Несчастные, будучи сами жертвами произвола, не гнушаются тем, что доносят на других, передают начальству всё, что услышали и увидели. Продадут с потрохами за булку хлеба и кусок мяса.

А Дамели и Азиза – люди одного круга, общие у них тревоги и мысли. Когда ещё обе были на свободе, то часто делились своими сокровенными тайнами и переживаниями. В своё время тесно общались с высшей элитой, часто бывали в гостях у самых высокопоставленных людей, сидели с ними за одним столом на банкетах. Не забыты и те дни, когда по большим праздникам сотрапезничали с высшим кремлёвским начальством. Поэтому им хорошо известны политические события, происходившие в стране. Но как же, живя в своей стране, на своей земле, можно было дойти до такого состояния беспомощности, обездоленности? Женщины много размышляли, много говорили об этом, но некоторые возмутительные ситуации были за пределами их понимания. Сильную обиду они испытывали к аткаминерам⁹ – власть предержащим казахам, среди которых были и их мужья. Само собой, что эти видные люди не смогли защитить свой народ, стать ему опорой, так ведь ещё и семьи свои, жён и детей не уберегли! В тихое спокойное время их всех до единого вдруг объявили «врагами народа», и они увлекли за собой в пропасть своих близких и родных. В своё время важно и гордо ступавшие по земле министерские жёны в одночасье стали терпящими унижения и оскорбления конвоиров узницами АЛЖИРа.

Как-то во время их разговора между собой хрупкая и ранимая Азиза вдруг вступила с ней в ожесточённый спор.

– Зачем ты без конца обвиняешь наших достойных людей? Разве это бедствие обрушилось на одних лишь казахов? Оно охватило всю страну под названием СССР. Среди десяти тысяч заключённых с трудом наберётся и тысяча казашек. Остальные – русские, украинские, еврейские, кавказские женщины. Они находятся с нами в одном лагере, а их мужья тоже объявлены врагами народа. Ты думаешь, им не хватило ума защитить себя?

Этот вопрос тоже давно вызывал у неё тревогу и сомнения. Как-то она пыталась спросить об этом у одной очень умной и образованной женщины из Москвы, в чём же тут дело. Сестра расстрелянного маршала Тухачевского Елизавета питала к казахским женщинам особые симпатии. Как-то при одной из редких встреч с нею, она в единении задала ей вопрос прямо в лоб:

– Ладно, с нами ясно, мы инородцы, но почему же Кремль преследует своих же русских? Каким же образом ваши мужья и братья, находившиеся у власти, вдруг стали врагами народа?

– И голову здесь нечего ломать, разве тут не всё ясно? – спросила у неё удивлённо Елизавета. – Сейчас власть в Кремле перешла к дерзким и наглым выскочкам, не имеющим хотя бы даже среднего образования. Они с подозрением смотрят на людей, которые превосходят их умом и образованностью. Боятся, что те могут отобрать у них власть, и потому торопятся побыстрее избавиться от них.

– А мы здесь при чём? От нас ведь не исходит никакая опасность для них. Никто из наших не претендует на власть.

⁹ Игра слов: «аткаминер» – заступник, букв. – тот, кто при необходимости сядет в седло.

– Ваша ситуация совершенно другая. Вижу, среди казахов много «врагов народа». Цель – уничтожить всех, кто трезво мыслит и может выразить им серьёзный протест против безраздельного управления казахской степью...

Этот вопрос мучил Дамели давно. Елизавета прояснила его. Русские как-никак, стоят хотя бы на шаг ближе к Кремлю. То, что вызывает у казахов сомнение, для них ясно, как светлый день... Да, Лиза права. Колонизаторы планов своих никогда не меняют. Цель, преследуемая ими ещё с царских времён, постепенно будет достигнута. Большевики, собиравшиеся облагодетельствовать всех и вся, уже показали свою сущность. Вначале под видом классово-борьбы и конфискации забрали все четыре вида скота, имевшегося у казахов. Они уже заранее знали, что кочевники, лишённые скота, который был для них основным способом существования, в недалгом времени столкнутся с ужасным голодом и потеряют половину своей численности. В итоге всё так и вышло. Остался ли теперь кто-то, кто с ними будет бороться? Те самые интеллектуалы-интеллигенты, безусловно, вступятся за погибающий народ, будут выражать недовольство и протестовать. Но вряд ли они смогут причинить им серьёзный вред. И всё же сорняки лучше всего вырывать с корнем и как можно скорее. Если избавиться от интеллигенции, имеющей голову на плечах, и в жилах у которой кипит кровь, то останутся сплошь одни манкурты и малаи¹⁰. Теперь эта степь полностью в руках центральной власти. Приходи и твори произвол.

Ладно, пусть у колонизаторов имелся такой план. Ну а почему же так легко попали под их влияние наши достойные люди, имевшие у народа авторитет? Неужели не почувствовали, что кроется за обманчивыми, сладкими речами? Как же, вместо того чтобы уберечь и защитить свою нацию от реально нависшего над ней бедствия, они пеклись прежде всего о своей карьере и служебном положении, довольствуясь жирной мозговой косточкой, попавшейся им в руки? С чего они вдруг, не ведая у какого порога сидят и в чьих руках являются марионетками, возбуждённо ржали, пользуясь властью, возомнив себя «красными тулпарами» или парящими в поднебесье «красными сункарами»¹¹? Другое дело, если бы у них не было вождей, которые бы указали им путь, мудрого наставника, который посоветовал бы им, что делать. Вместо того чтобы внимать разумным речам, полуграмотные горе-активисты, вышедшие в основном из бедноты, стали открыто враждовать с деятелями Алаша, проявлявшими заботу о нации! Подчиняясь чужому науськиванию, они шумной сворой накинулись на алашординцев, и так ликовали, что удалось свалить их с ног, убрать с исторической арены, будто горы своротили на своём пути.

Существует мнение, что в конфискации скота, из-за которой народ остался без средств к существованию, в искусственно устроенном голоде 1932 года виноват лишь один только Голощёкин. Да, этот пронырливый демагог и вправду принёс на казахскую землю ужасные бедствия. Но не сами ли местные казахские большевики выпросили его из Москвы к себе в руководители?! На последних выборах в Советы коммунисты не смогли набрать достаточно голосов и, покинув занимаемые прежде посты, с «факелами в руках вошли в камышовые чащи», то есть пошли на самые отчаянные шаги. Не Мендешев ли, не Сейфуллин и не Рыскулов ли поочерёдно писали жалобы Сталину, громогласно заявив: «Ойбай, в Казахстане благами Октябрьской революции пользуются другие. Большевиков вытесняют с высоких постов, к власти приходят буржуазные националисты»? А как быть с тем, что Сакен Сейфуллин в 1925 году, будучи в Кремле на приёме у Сталина, обратился к нему с

¹⁰ Здесь в значении «прислужники, слуги, работники, батраки».

¹¹ «Красные соколы» – поэма Сакена Сейфуллина, репрессированного, как и другие казахские государственные деятели, в 1937 году.

жалобой на то, что не только он один остался без должности и работы, но и другие коммунисты, смещённые из правительства? А Турар Рыскулов в апреле того же года написал Сталину письмо, в котором рассказывал о притеснениях со стороны баев-националистов и чуть ли не умолял Москву оказать срочную помощь. Просил закрыть газету «Акжол», куда писали свои статьи видные общественные деятели, активно пропагандировавшие идеи партии «Алаш»... Кремлю это и было нужно. Сталин сказал: «Раз просят жира, то дайте курдюк» и в сентябре месяце того же года послал в Казахстан Голощёкина – участника расстрела царской семьи.

Но если бы Голощёкин прибыл в страну, где народ сознателен, един, сплочён, проникнут уважением друг к другу, то что бы он мог там сделать в одиночку? Каким бы коварством, какой бы изворотливостью он ни обладал, такому народу вряд ли можно причинить столько бед. А здесь перед ним вдруг угодливо засемили и раболепно склонились местные подхалимы и блюдолизы. Разлад, отсутствие единства и согласия царили среди местного населения. Это на беду любой нации всегда было на руку иноземцам. И трон, на который они взбирались, надолго становился незыблемым и непоколебимым. Сиди и смотри, как народ, словно лебедь, рак да щука, тянет воз в разные стороны. На запад, восток и юг. А когда слушаешь жалующихся друг на друга, то ломаешь голову от растерянности, не зная, кому верить. А сами они сплошь карьеристы, прожектёры, искатели тёплых мест, каждый хочет прогнуться перед новым начальством и занять хорошую должность.

Филипп Исаевич целый месяц без перерыва принимал хуливших друг друга сплетников и клеветников... В результате в течение короткого времени у него на руках были сведения о том, кто отпрыск байского рода, кто член «Алаш-орды», кто имеет отношение к религии, кто националист, кто пантюрист. Видя всё это, сдержанный от природы Голощёкин довольно расхохотался. Вот, если вам угодно, готовая колония! Такой огромный кусок курдюка, лежащий без присмотра! Вот вам дармовое жирное мясо! Отрежь с краю понемногу и проглатывай. Боже мой, есть, оказывается, такой разобшённый, разделённый на рода и племена, не знающий согласия и единства народ! Действительно, запах Октябрьской революции до него пока ещё не дошёл. Классовая борьба не происходила здесь и в помине... Филипп Исаевич ещё покажет ему, какой должна быть революция! Здешние горе-большевики беспощадно грызутся между собой, занимаясь рыскуловщиной, сейфуллиновщиной, мендешевщиной. Несчастные, теперь-то они узнают, что такое действительная «...щина»... Перед приездом Голощёкина в Казахстан в свет вышла книга «Тернистый путь»¹², которая даёт много сведений об «Алаш-орде», о том, кто и как встретил советскую власть. Он распорядился, чтобы роман быстро перевели на русский язык и, прочтя его, подчеркнул важные для себя эпизоды. После этого, недолго раздумывая, принялся за классовую борьбу и уничтожение байско-кулацкого элемента...

Когда поток её мыслей дошёл до этого момента, то Дамели даже сама не заметила, как громко выкрикнула, не в силах сдерживать кипевшие в душе переживания:

– Ой, Аллах! Какой же мы простодушный, наивный, словно ребёнок, бездумный и беспечный народ, не думающий о завтрашнем дне!

– Что стряслось, Дамеш? Снова саму себя изводишь и свой многочисленный народ распекаешь? – спросила у неё, улыбаясь, сидевшая сзади Азиза.

– Я не весь народ, а наших аткаминеров на деревянного коня тщеславия сажаю.

¹² Роман Сакена Сейфуллина.

– А что плохого они тебе сделали? И без того, они, несчастные, были безвинно объявлены врагами народа и погибли ни за что, ни про что.

– Если бы этих джигитов судили не как врагов Советской власти, а как приверженцев родовых отношений, не думающих о благе и единстве нации, как сторонников групповщины, подхалимов-карьеристов, которые думают лишь о собственном благополучии, я бы подняла обе руки «за».

– Да ты, я вижу, опять затронула ту самую болезную проблему! – сказала Азиза давая тем самым знать, что в курсе терзавших её переживаний.

Дамели и раньше иногда ощущала внутреннюю раздвоенность, спорила сама с собой в поисках истины. Когда-то, ещё на свободе, между ней и её мужем Темирбеком не раз вспыхивали нешуточные споры и дискуссии. Министр, правая рука руководителя правительства, он был до мозга костей убеждённым, непреклонным большевиком. Ну а Дамели, как вольнодумный врач, всегда стояла на стороне простого страдающего народа. Дух национализма возник в ней не откуда-то вдруг, случайно – её дядя (младший брат отца) Алимхан Ермеков являлся одним из основателей партии «Алаш». Ещё с детских лет она знала деятелей «Алаша», от них слышала слова «нация», «народ», «независимость»... А колонизаторов сызмальства ненавидела, как цепных псов.

Правда, и Темирбек не отрицал идей «Алаша». Он тоже беззаветно любил свою нацию. Но единственный путь достижения народом свободы и равенства видел в создании социалистического общества. И он всей душой поддержал Советскую власть. Особенностью Темирбека являлось то, что он не заразился болезнью групповщины и разделения на роды и племена. В молодые годы он жил среди узбеков и таджиков и не принимал активного участия в классовой борьбе среди казахов. После окончания Среднеазиатского университета в Ташкенте он работал наркомом финансов в Таджикистане. В начале тридцатых годов его перевели на такую же должность в Узбекистан. А в Казахстан он прибыл в 1933 году, после ухода Голощёкина, по приглашению нового руководителя республики Мирзояна... Что поделаешь, недолго длилась та эпоха. Таков уж этот переменчивый мир. Не говоря о других, Левон Мирзоян, проявлявший заботу о коренном населении, тоже был объявлен врагом народа и расстрелян... А жена его, Юлия Фёдоровна, не выдержав столь очевидного произвола и вероломства, помешалась умом и в конце концов умерла в кызылординской тюрьме.

Что уж там говорить, с приездом в Алматы Темирбек всю душу свою вложил в дело просвещения и становления родной культуры. Он брался за любое дело, за которое прежде никто не брался. Принимал непосредственное участие в открытии первого казахского университета, оперного театра, консерватории, в проведении первого курултая-съезда писателей и в подготовке декады казахского искусства и литературы в Москве. Дамели воочию видела, как он, не зная покоя, работал и днём, и ночью. И труды его оказались не напрасными. За безупречную подготовку и проведение декады казахской культуры в Москве Темирбеку вручили орден Трудового Красного Знамени. Это было в 1936 году. А в 1937-м всё это оказалось жестокой игрой. Чем-то вроде того, что малышу дали в руки конфетку... В нынешнем году награждаешь орденом, а в следующем сажаешь в тюрьму, а ещё через три месяца, объявив человека врагом народа, расстреливаешь его без суда и следствия. Что же это такое? Надругательство, издевательство, глумление? Враг... «Враг народа». Кто же на самом деле враг? Кого обманывают? Кого за глупцов держат?

Эх, если бы ещё раз довелось встретиться с Темирбеком! Они с ним часто спорили на политические темы, теперь могли бы подвести и окончательный итог. Темирбек тогда верил в будущее. Не давал никому слова против Советской власти сказать

Что же до Дамели, то она всегда являлась сторонницей национального достоинства, категорически не приемля диктата Москвы. Иногда, проигрывая ей, Темирбек, расхохотавшись, примирительно говорил: «Ну что, упрямая дочь Алаша, ты угомонишься наконец или нет? Как ты пойдёшь против нас, на нашей стороне сила!»... Когда Темирбека уводили из дома, он не верил, что впереди его ждёт несправедливое наказание. «Это ошибка, допущенная органами правосудия. Уже завтра я вернусь». Однако ни завтра, ни послезавтра так и не вернулся... Если бы Дамели прямо сейчас встретилась с мужем, то спросила бы у него: «Ну что, товарищ министр? Чьё предсказание оказалось верным? Почему власть, которую ты поддерживал, не поверила в твою честность? Как вы могли позволить обмануть себя?»

Под черепастью поступь гнедка они добрались до лагеря, когда солнце уже клонилось к горизонту. У ворот зоны, окружённой по всему периметру колючей проволокой, стоял вооружённый охранник. Они показали ему свои пропуска и проехали за ворота. Территория лагеря была сплошь застроена бараками. Здесь же находились больница, столовая, швейная фабрика, детский сад и баня. На всех четырёх углах зоны стояли вышки с вооружёнными охранниками – вертухаями. Дамели вначале разместила в больнице Гульжамал, а потом распрягла коня и направилась к своему барaku. Ну а Азиза побежала в детский сад. Там у неё находилась четырёхлетняя дочь Рида.

II

Как много бы снега ни выпало, какой бы морозной зима ни была, но весна нынче в Золотую степь пришла очень рано. К концу марта на густом снежном покрывале, словно прорехи-дыры на старом ветхом истрёпанном одеяле, стали появляться проталины; оно пролежало загрязнённым ещё некоторое время, пока быстро и бесследно не растаяло в первые же дни апреля. Талые воды не растеклись по равнине, не застыли на поверхности земли озерами-лужицами, а быстро исчезли, впитавшись в почву. Люди бывалые на этот счёт говорили: «Нынче мать-земля приняла в себя всю воду, иншалла¹³, урожай будет хорошим».

Долгожданное тепло и ранний приход весны больше всех обрадовал заключённых женщин, которые промёрзли, ёжась от холода, всю зиму. Они разоблачились, сняли с себя многослойные лохмотья, скинули с ног громоздкие лапти-чарыки. Вот только досадно от того, что не то здесь место, чтобы, надев цветастые приталенные платья и легкие туфельки, походить, соблазнительно обнажив икры своих ног. И всё же, несмотря на это, в женщинах ощущалось возбуждение, оживление, радость обновления. Они сейчас были под стать изеню и полыни, караганнику и таволге, на которых дружно пробивались почки.

Хотя дни стояли ясные, солнечные, но лица у местного начальства так и не прояснились. Смотрят, как и прежде, угрюмо и хмуро. Да и весенние дни облегчения не сулили: как только выйдешь из тесного барака, тебя впереди ждёт тяжёлый, изнурительный труд. Вот десяток солдат с автоматами наперевес и с рычащими овчарками на поводу выводят из ворот лагеря несколько сотен женщин. Всех их ведут на весенне-полевые работы. А путь держат они не на полевые станы, а на раскинувшиеся поблизости овощные поля. Можно было бы просто отвести их на эти привычные для них места. Но не вздумайте и заикнуться об этом! Обязательно нужно, наставив на них дуло автоматов, подгоняя рычанием собак и грубыми окриками, подняв шум, показать всем грозную силу власти и унижительное и зависимое положение узниц. Около пятисот женщин с мотыгами-кетменями, лопатами и тяпками по четыре человека в ряд удалялись от ворот зоны.

¹³ Дай Бор!

В лагере около десяти тысяч пленниц. Это позволяет направлять людей на дармовую, бесплатную работу в каком угодно количестве в любую отрасль хозяйства. Одну или две тысячи в швейный цех, около тысячи на стройку, около пятисот на отдалённые полевые станы, несколько сотен на ферму. А сколько, кроме них, занято на птицефабрике, свиноферме, в столовой! За скотом в основном ухаживают казашки. Их направляют в кошары, прекрасно зная, что занятие это лучше всего знакомо дочерям кочевников.

А заставил зашуметь-заволноваться заключённых, внося сумятицу и панику в их ряды, уже известный нам начальник охраны Мазепа. Ну, тот самый, который прошлой зимой привязал к стойке внутри хранилища с сеном Гульжамал за то, что она воспротивилась его наглým домогательствам. Вот этот палач и носится суетливо вокруг да около колонны пленниц на своём мухортом коне со звёздочкой на лбу, словно на него вся тяжесть этого мира навалилась. В руках камча, на устах брань. Вот только порой непонятно, кого это он материт-костерит по отцу да по матери – то ли конвоиров, то ли заключённых. Если кто-то из женщин отстанет от всех или нечаянно выбьется из строя, то он тут же стегает плетью ей по спине. Видеть, как пленницы, увязая ногами в пыли, падают наземь или же с трудом бегут от него прочь и пытаются догнать ушедших вперёд, для него одно удовольствие.

Вообще унижать, оскорблять, мучить, избивать «врагов народа» – одно из самых любимых занятий Мазепы. Делает это он вовсе не для того, чтобы угодить начальству и попасться ему на глаза своим усердием, просто натура у него такая. Стоит при нём упомянуть о баях и кулаках, интеллигенции, «врагах народа», предавших родину, как кровь в жилах у него закипает. «Им грех даже просто ходить по этой земле, всех надо расстреливать и вешать, уничтожать под самый корень!» – с годованием говорил он. Иногда даже лекцию читал заключённым женщинам: «Вы думаете, почему вас изолировали от остального населения и держат взаперти? Ради того, чтобы очистить общество от грязи и мусора. Как же сейчас стало хорошо: общество очистилось и воздух свеж. Советский народ может спокойно и свободно дышать... А вас оставили в живых только потому, что стране нужна рабочая сила. Дармовая рабочая сила, на которую не надо тратить ни копейки. Какой же гений товарищ Сталин, придумавший всё это!»

Не лишён был он и наглого бахвальства, присущего невежественным людям. Иногда, напившись, он хвастался: «Кто в этом мире, кроме меня, имеет в своём подчинении десять тысяч женщин? Такого богатства наверняка не было ни у турецкого султана, ни у арабского эмира!» Что ни говори, но и самому Мазепе с женщинами везло. Иногда устрашая, иногда избивая, иногда принуждая, иногда прельщая, иногда подкупая, досыта накормив едой, домогался он самых строптивых из них. Что только не делает с человеком кабала! Ради булки хлеба, куска мяса, бутылки водки голодные женщины соглашались переспать с Мазепой. К тому же от длительного воздержания они сами были обуреваемы желанием телесной близости с мужчинами. Стоит ли здесь говорить о моральной сдержанности? Это ведь не заповедь, которую нельзя нарушить. Молодая женщина, узнав о том, что муж её давным-давно расстрелян, таким образом по-своему мстила, как ей казалось, своей жестокой судьбе.

И уж тем более чувство сдержанности было неведомо Мазепе. Начальник охраны, ошалевший от вседозволенности, видя такое изобилие молодых женских тел, в последнее время пустился во все тяжкие, проявляя особую разборчивость и избирательность. Он стал приглядываться лишь к знаменитым заключённым – певицам, балеринам... Или же к жёнам бывших министров, секретарей парткомов, генералов... Ему хотелось отыгрываться на них за беспросветные годы своей моло-

дости. Это ведь несказанное наслаждение – удовлетворить свою похоть с изысканно прекрасными созданиями, которые в обычной жизни недоступны и ни в каком сне тебе даже не приснятся. Это ли не подарок, ниспосланный самим временем?

Вот и сейчас он внимательно всматривается в бредущую толпу. Статные и красивые, легко одетые женщины возбуждали его ненасытную натуру. Мазепа знал в лицо почти всех суперкрасавиц. Вон идут сёстры маршала Тухачевского – Елизавета и Галина. Что ни говори, недаром вышли из дворянской семьи, походка движения, манера держаться совершенно особенные. За ними следом идёт известная балерина Рахиль Плисецкая. Какой стан, какая точёная фигура!.. В объятиях такой феи-перизат и умереть не жалко. В одном ряду с ней идёт знаменитая певица Лидия Русланова. А ведь какая красавица, проклятая! Но что поделать, руки коротки. Похоже, кто-то покровительствует ей в верхах. Слишком уж надменна, горда, строптивая... А эта хорошо ему знакомая Наталья, а та – Татьяна...

Да и местные казахские женщины не так уж плохи. Нет спору, горячие, страстные и пылкие. Однако слишком уж неприступны, словно дикие кошки. Даже скотницы в обиду себя не дадут. Как-то гостил он на ферме, пришел в благодушное расположение духа, ну и дал волю рукам, пристав к одной бабенке, хлопотавшей в сарае, где хранилось сено. Так эта сучка чуть было не проколола его вилами. Ох, и отыгрался же он потом на ней сполна! Но, правда, с тех пор – от греха подальше – тяги особой к степным дикаркам не испытывал.

Мазепа не стал больше задерживаться возле женщин. Словно матёрый волк, у которого слюни текут при виде отары овец, он жадным взглядом окинул толпу, приметив в ней свою очередную жертву, и лёгкой рысью помчался к дальним полевым станам, расположенным за двумя холмами. По пути, увидев, что в ближайшей к лагерю долине паслась отара овец соседнего колхоза, размахивая камчой, пригрозил чабанам не подходить близко к этим местам. Вообще, казахам доверия нет. Непонятно от чего, но проявляют они к узникам сострадание и жалость. Интересную картину довелось ему наблюдать прошлой зимой. Мазепа сопровождал около двухсот женщин к речке неподалёку от лагеря, чтобы они там нарезали камыш. Это и топливо, и строительный материал. На другом берегу реки две-три женщины с детьми пасли овец. Люди из соседнего аула... Вдруг в какой-то момент ребятишки подошли по льду поближе к ним и стали швыряться в женщин камешками. И будто при этом на своём языке стали их ругать. Бросали белые камешки размером с кулачок и что-то по-своему сердито приговаривали... Мазепа подумал: «Оказывается, даже казахские малыши ненавидят врагов народа. Что значит пропаганда!» И обрадовался. Однако позже по доносу одной из заключённых выяснилось, что дети бросались не камнями, а куртмом. Обычным куртмом, изготовленным из овечьего молока. Что поделаешь, обхитрило его в тот раз казахское вражье отродье. А женщины подкрепились жирным куртмом и заметно приободрились.

Начальник охраны пребывал сегодня в прекрасном настроении. Вчера в АЛЖИР прибыло вышестоящее руководство Карлага. Вместе с ним был высокопоставленный представитель из Москвы. Все они дали высокую оценку работе женского лагеря. Перед ними отчитались начальник лагеря Баринов и заведующий политотделом Мишин. Когда майор Мишин остановился на работе службы охраны, то в числе лучших назвал и Мазепу. По сути, решающее слово оставалось всегда за Мишиным. А что касается полковника Баринова, то его назначили сюда с понижением в чине, в качестве наказания.

Кстати, какие прекрасные слова были сказаны представителем из Москвы! Говорил он, никого не боясь, ни перед кем не тушуясь. «Сослав в Казахстан десять тысяч жён врагов народа, наша партия одним выстрелом убила сразу же несколько

зайцев. Мы не ограничились тем, что изгнали из центральных областей страны баевкулаков и опасных интеллигентов, но заодно осваиваем обезлюдившую казахскую степь и поднимаем залежные земли. Для этого мы и очистили эти бескрайние земли от её коренного населения. Эти люди, не приспособленные к жизни, у которых нет своего будущего, попрощались с ней ещё в 1932 году. Как вы думаете, для чего всё это было сделано? Для жизнеспособных потомков большевиков».

Какая пламенная речь! Когда слушаешь это, то от радости слёзы на глаза наворачиваются. Эх, что может знать местное начальство! Оказывается, те, кто сидят в Кремле, заранее всё продумали и решили. Да за такую власть и умереть не жалко! Да, что ни говори, а мы действительно поднимаем целину. Мы первые ласточки среди тех, кто явился сюда осваивать эти земли... Действительно, он ещё удивлялся, куда делось коренное население здешних краёв, а оказывается, их уничтожили, не израсходовав при этом ни одного патрона. Сейчас повсюду по оврагам да возле старых заброшенных зимовий то тут, то там рассыпаны человеческие останки. Если это было в 1932 году, то, выходит, казахов уничтожил голод ещё десять лет назад?

«Вот теперь мы и пожинаем плоды всего этого! – гордо размышлял Мазепа. – Вчера об этом уже говорило руководство Карлага. Сейчас в распоряжении Карлага и АЛЖИРа полтора миллиона гектаров освоенных земель. Благодаря скоту, конфискованному у местных казахских баев, был создан совхоз «Гигант». Сейчас там 40 тысяч овец, 25 тысяч голов крупного рогатого скота. В прошлом году было собрано 50 тысяч тонн картофеля, тридцать тысяч тонн пшеницы. Таким образом, Карлаг и АЛЖИР обеспечивают продуктами питания не только себя, но, по-видимому, ещё и несколько городов в Центре. Разве не обуревают твою душу гордость, когда слышишь обо всём этом?!»

Мазепа был очень доволен своей судьбой. Разве мог он, безотцовщина, подумать о том, что добьётся такого положения? Конечно, всё это произошло благодаря Советской власти. Что там ни говори, а большевики многим таким, как он, дали путёвку в жизнь, сделав её поистине райской. Мазепа родился в портовом городе Одессе. Мать его работала в прибрежных столовых и кабаках, в одних посудомойкой, в других уборщицей. А вот кто был отцом Мазепы, никто не знал, даже и его родная мать. Одно хорошо: Мазепа в детстве всегда ел досыта. Вдвоём с матерью они выжили, питаясь обедками со столов.

Суций ад наступил после смерти матери. В чём была виновна несчастная, неизвестно, но её убили, а труп засунули в бочку из-под пива. Возможно, это было делом рук какого-нибудь моряка, приревновавшего её. Семилетний беззащитный мальчишка оказался на улице. Долгое время он был на побегушках в одной из столовых, на то и жил. Тем временем гражданская война докатилась до Одессы. Установившаяся Советская власть стала собирать кишмя кишевших на улицах беспризорников и сдавать их в детские дома. Однажды очередь дошла и до Мазепы, и он стал детдомовцем. Да здравствует Советская власть! Да здравствует сиротский приют!

Пожалуй, самыми преданными Советской власти, настоящими патриотами становятся росшие без отцов воспитанники сиротских приютов. Что уж говорить, Мазепа учился из рук вон плохо. Кто знает, если бы он продолжал учиться дальше, то, возможно, сейчас был бы одним из высокопоставленных начальников, но после начальных классов он бросил учёбу. Служил матросом, затем перевёлся в НКВД. Кто-то обвинял его в том, что он слишком жестокий, не знает ни к кому ни жалости, ни сострадания. Но если в своей жизни он не видел ни жалости, ни сострадания, то откуда у него возьмутся такие душевные качества? Что Мазепа получил сызмальства от людей, то он и возвращает им вдвойне!

На полевом стане он надолго задержался у незаводившегося старого трактора. «То, что ты делаешь, – это саботаж! Остановила работу, чтобы земля успела пересохнуть», – сказал он, вправляя мозги заключённой-трактористке. С криками и понуканиями дождавшись, когда трактор наконец завёлся, он поворотил коня и вернулся на овощное поле. Женщины вскапывали землю лопатами, тяпками пробивали грядки, разрыхляли граблями, чтобы потом засеять семенами. Среди заключённых были и овощеводы, и агрономы, но доверять им нельзя – могут навредить. Надо следить за работающими, давать указания, подстёгивать. Увидев, что одна группа голодных, уставших, изнемогающих женщин, никогда в своей жизни не державших в руках лопаты и кетменя-мотыги, присела на корточки возле арыка, чтобы отдохнуть и унять с непривычки ноющие спины, он тут же набросился на них:

– Это что за посиделки?! Саботаж устраиваете? Хотите, чтобы поле пересохло, и завтра на нём ничего не взошло? Знаем, какие тёмные мысли в голове у врагов народа...

Затем взялся распекать охранников, которые с собаками на поводу сновали по полю.

– А вы чем тут занимаетесь? Голову совсем потеряли от бабьих задниц? Где ваша бдительность?

Когда солнце стало припекать, женщины сняли верхнюю одежду, ловя столь желанные после зимы солнечные лучи. Мазепа, не отрываясь, смотрел на них жадным взглядом: «С наступлением весны они прямо на глазах начинают цвести. Все до единой – красавицы! А враги народа знают толк в бабах, выбрали себе самых статных да видных женщин! Врагам одними арестами да расстрелами не отомстишь, надо завлечь к себе их вдовушек!»

С мыслями о том, как и с кем ему сегодня доведется потешиться, опьянённый своими сладкими грёзами, Мазепа поворотил коня в сторону лагеря.

III

Кто бы мог подумать, что мир так внезапно перевернётся с ног на голову и столкнётся с таким страшным бедствием? Жизнь шла неторопливо, своей обычной чередой. Баи и кулаки были уничтожены как класс, бедные крестьяне стали хозяевами земли. Промышленность, заводы и фабрики перешли в государственную собственность, начался новый этап индустриализации. Гигантская страна под названием СССР, состоявшая из пятнадцати союзных республик, занимала одну шестую всей мировой суши. Бог ты мой, ну что ещё нужно было нашему государству?! И почему единственная партия, безраздельно правившая всей этой страной, стала разлагаться изнутри? Откуда вдруг в тот самый момент, когда все собирались отмечать двадцатилетие со дня Великой Октябрьской революции, в несметном количестве появилась эта напасть – враги народа?

Все эти вопросы довели генерала Баринова до ручки. А ведь Сергей Васильевич всем сердцем и всей душой любил Советскую власть. Ради Сталина готов был и жизнь свою положить, был одним из самых активных партийных деятелей. Благодаря этому он быстро поднялся по служебной лестнице, занял высокий пост. Провоевав от начала до конца всю гражданскую войну, он из рядов Красной Армии перешёл в органы внутренних дел. Не по собственной, конечно же, воле, партия так решила. Всё складывалось как будто очень удачно. В конце концов его повысили до должности начальника Калининского областного отдела НКВД. Разве думал он тогда, что после такой головокружительной карьеры он окажется в казахской степи в лагере АЛЖИР? Не в качестве заключённого хотя бы, а в должности его

начальника. Но какая здесь может быть разница, если ты днём и ночью находишься при тюрьме и в каком-то смысле её пленник?

А всё началось с того, что в начале тридцатых годов состоялся суд над Троцким, Зиновьевым, Каменевым и Бухариным, все они были признаны врагами Советской власти и партии и приговорены к расстрелу. «Боже мой, как это могло произойти? Не они ли вместе с Лениным организовали Октябрьскую революцию?» – удивлялся тогда Баринов. И всё же не стал особо морочить себе голову из-за этой небольшой группы людей. «Возможно, пути их внутри партии разошлись. Товарищ Сталин не допустит ошибки», – решил он про себя. Не прошло трёх или четырёх лет после этого, как чёрные тучи стали сгущаться и над Красной армией. Принялись выискивать троцкистов среди высших офицерских чинов. Что ни говори, но Красную армию первым укомплектовал и сформировал Троцкий. А после революции долгие годы являлся наркомом вооружённых сил. Среди высокопоставленных командиров было немало тех, кто явно симпатизировал ему, в своё время ощутив на себе его заботу.

Ладно, если бы проблема состояла лишь только в одном Троцком. Но то, что произошло потом, уже не вписывалось ни в какие рамки. Из числа всего лишь пятерых маршалов, имевшихся в армии, трое были арестованы и сразу же расстреляны. Тухачевский, Блюхер, Егоров... Каждый из них прошёл Гражданскую войну, собственноручно сформировав отдельные части Красной армии, и каждый сам по себе являлся незаурядным полководцем. Баринов среди них особенно хорошо знал Тухачевского. На юге воевал под его началом против армии Деникина. Позже, когда тот стал первым начальником только что основанной Военной академии, поступил туда учиться. Последние годы Тухачевский являлся начальником Генерального штаба, а затем первым заместителем наркома обороны. Окончил Александровское училище в возрасте 21 года и был одним из видных теоретиков в области военной науки. Хотя и вышел из дворянской среды, но Советскую власть принял всем сердцем. Если Тухачевский действительно враг народа, то кто же тогда остался в армии? Незабвенный Михаил Николаевич! Ведь он был ещё совсем молод! Если бы он был жив, то в нынешнем году ему бы исполнилось всего лишь пятьдесят лет.

Да и маршал Блюхер от начала до конца участвовал в Гражданской войне. Он был выходцем из беднейшей семьи. Разгромил армии Колчака и атамана Дутова, освобождал Западную Сибирь. Потом долгие годы являлся главнокомандующим войсками на Дальнем Востоке. Ну кто может поверить, что знаменитый полководец, прогнавший оттуда японскую армию, оказался вдруг японским агентом? Он тоже ушёл из жизни молодым: расстрелян в возрасте сорока семи лет.

Ладно, если бы дело ограничилось только маршалами – в недалгом времени взялись и за генералов. Потом очередь дошла и до полковников. В результате 80 процентов из числа всех генералов были расстреляны, а 60 процентов полковников признаны врагами и брошены в тюрьмы. Спросите, когда же это всё произошло? А случилось это в то время, когда в Германии пришёл к власти Гитлер и стал враждебно поглядывать на Восток!

Видя совершающееся вокруг, генерал Баринов места себе не находил, мучился, переживал, пока однажды не мог уже больше сдерживать себя. Сел и написал Сталину письмо следующего содержания: «Как же это так, товарищ Сталин? Если 70-80 процентов красных командиров являлись иностранными шпионами, то кто же до сегодняшнего дня защищал нашу Родину? Если завтра фашисты нападут на нас, то остались ли у нас верные компетентные люди, которые могли бы командовать армией?..» Он ни капельки не сомневался в том, что в скором времени его арестуют, как врага народа и расстреляют, как и всех других до него. Это был

осознанный акт протеста против несправедливости и добровольного принесения себя в жертву. Приготовив целый чемодан одежды для тюрьмы, он с нетерпением ожидал приезда за ним «чёрного воронка». Если бы он был единственным, кто написал письмо, выражающее протест против массового произвола, то, возможно, прямоком угодил бы в руки охраны. На его счастье, в эти дни в Кремль поступил целый поток писем с жалобами, и руководство в отчаянии ломало голову над тем, как же быть с их авторами. «Господи, почему они тянут время?» – думал Баринов и не на шутку заволновался. Целый месяц он ежедневно испытывал тяжкие муки неопределённости, пока в один прекрасный день ему не вручили приказ из генерального штаба, где было написано: «Генерала С. В. Барина поинизить на чин в звании и отправить в Казахстан в качестве начальника одного из расположенных там лагерей». Судя по всему, многие из людей, отличавшиеся исполнительностью, были уже осуждены, и стала ощущаться нехватка кадров на такую работу.

Итак, прошло уже больше трёх лет с тех пор как бывший генерал, ныне полковник Баринов был назначен начальником лагеря АЛЖИР. В такое смутное время надо благодарить судьбу хотя бы и за это. Ведь он вполне мог оказаться в числе тысяч невинных лагерных жертв, его голову мог прожечь горячий свинец, или же его могли сослать в «итжеккен»¹⁴, в какой-нибудь глухой уголок Колымы, где бы он мёрз и коченел от холода. Разве по сравнению со всем этим держать в своём подчинении целый лагерь, затерянный в бескрайней степи, не равносильно тому, чтобы иметь полцарства? Сам себе судья, сам себе господин. Под его началом сотни подчинённых, около батальона солдат. Они выполняют в лагере всю основную работу. Самое удивительное, что здесь никто не отвечает за смерть заключённых. Главное, чтобы никто из них не поднял здесь бунт или же не сбежал отсюда.

История лагеря знакома Баринину давно. Для содержания в изоляции баев и кулаков из разных краёв в 1931 году был основан Карлаг. А на основании постановления главного управления НКВД от 15 августа 1937 года за № 00486 вступил в строй АЛЖИР. Этот документ был утверждён на Политбюро Центрального комитета КПСС, значит, заведомо было определено количество врагов народа, заранее составлен список их жён и членов семей. После выхода этого постановления уже в первые полгода были арестованы все до единого враги народа, которым в течение каких-то двух-трёх месяцев вынесли приговор и расстреляли, а членов их семей и жён согнали в лагерь. Детей в возрасте старше пятнадцати лет посадили в тюрьму, а тех, кто был младше, отдали в детские дома.

Однако Сергей Баринов прекрасно знал, что ни «враги народа», ни их жёны ни в чём не виноваты. Особенно их жёны... Господи, в чём виновны они? Даже если их мужья и являются государственными преступниками, то разве можно судить женщин с ними заодно? Семьи разрушены, дети разбрелись кто куда... Такая ужасная жестокость, наверное, не была допущена ни в какой другой стране, кроме СССР. Что же это тогда такое? Умышленное причинение вреда собственной стране или геноцид? Если это геноцид, то против кого решили применить его сидящие в Кремле? Кого же они хотят уничтожить под самый корень?!

Одно здесь ясно изначально: те, кто стоял у руля власти, смертельно мстили талантливым, одарённым и высокообразованным людям. В общем, они на дух не переносили интеллигенцию, желали избавиться от тех, кто был умнее их, следил за каждым их шагом, заранее предугадывал их злые намерения, коварство и хитрые уловки. Если избавиться от них, то для власть предержащих сразу же наступят просто прекрасные времена: они будут управлять голодным, невежественным

¹⁴ «Итжеккен» – Сибирь, букв. – место, где ездят на собаках.

народом, станут его вождями... А Троцкий, Бухарин, Тухачевский стояли у них поперёк дороги. Ну а жёны здесь при чём? При том, что, бросив их в лагеря, они тем самым уничтожат под корень всю семью. Отдав детей в сиротские дома, воспитают сорт людей, оторванных от своих корней. Это называется не иначе как «вырвать сорняки с корнем».

В одном лагере отбывают наказание десять тысяч женщин! И каких женщин! Все, как на подбор, весьма требовательные, взыскательные, высокообразованные жёны элиты. Красавицы с утончённым вкусом, с нежной и ранимой душой, получившие отличное воспитание. Правда, сейчас они измучены тяжёлым трудом, растеряны и унижены. И всё же, несмотря на то что они теперь одеты в лохмотья, всё равно видно, какими они были – выбранные сердцем, искренне любимые супруги министров, секретарей обкомов, генералов, учёных и писателей... В лагере томятся не только жёны «врагов народа», но и их сёстры. Здесь отбывают наказание обе сестры маршала Тухачевского: Елизавета и Галина. Больше из этой семьи в живых никого и не осталось. У маршала было два младших брата – Николай и Александр, после его расстрела их немедленно сослали в Сибирь. А жену его Нину Евгеньевну вначале выслали в Астрахань, но в 1941 году привезли в Москву и расстреляли. Мать военачальника Лавра Петровна два года тому назад умерла в Актобинской тюрьме. Осталась лишь дочь Светлана, которая находится сейчас в одном из детских домов Свердловска. Он хорошо знал их всех, в своё время часто бывал в их доме и не раз отведывал угощение из рук Лавры Петровны.

Кого только нет в этом лагере: известные учёные, высокообразованные врачи, экономисты, агрономы, зоотехники, певицы, музыканты... Что выиграло государство от того, что пригнали их в эту безлюдную глухую степь, заперли за колючей проволокой лагеря? Если бы их перестали преследовать, как «врагов», дали бы возможность работать по специальности, то сколько бы пользы они принесли стране... Баринову также хорошо известен тот факт, что когда в 1941 году немцы внезапно и вероломно напали на страну, то Сталин, своими собственными руками за три года до этого уничтоживший талантливых маршалов и генералов, находился в состоянии полной прострации и не выходил из дома целую неделю. Объявлять народу о начале войны вынужден был Молотов. В первый ее год на фронтах зачастую не знали, кого поставить командиром! Если батальоном командовали лейтенанты, то во главе полка стояли майоры. От растерянности просили-умоляли «отца народов» освободить из сибирского заточения Рокосовского с целой группой полковников и направить-таки их на фронт!

Благо, что враг, подступивший к Москве совсем близко, вынужден был отступить. С одной стороны, для врага серьёзным препятствием стала суровая русская зима (немцы, уверенные в своем блицкриге, были одеты в летнее обмундирование), а с другой стороны – Сталин не жалел советских солдат, устлав их трупами подступы к Москве. В первые же полгода войны в плен попали около четырёх миллионов красноармейцев. Но страна не протянула руку помощи несчастным пленным. Сталин объявил: «Советский солдат живым врагу не сдаётся. Те, кто сдался, тот не пленный, а предатель!» Когда другие государства при посредничестве Красного креста обеспечивали своих пленных граждан одеждой и продуктами, стараясь добиться их освобождения, Советская власть отвернулась от своих пленённых граждан. Такого ужаса никогда прежде не было в истории ни одной войны.

Сергей Баринов ощущал сейчас себя меж двух огней. С одной стороны – безжалостное к людям кровавое правительство, а с другой – невинные, несправедливо терпящие унижения и оскорбления нежные души, хрупкие женщины... И что тут поделаешь? Он обязан выполнять приказы свыше. Но вместе с тем и защищать

несчастных женщин – его гражданский, человеческий долг. Если говорить иносказательно: «Не дай содохнуть волю и не разбей при этом арбу».

В первые месяцы условия жизни в лагере были очень тяжёлые, почти невыносимые. Старые бараки 26-го отделения Карлага, где прежде содержались байскокулацкие и криминальные элементы, обветшали настолько, что разваливались на глазах. Но и в этих бараках мест не хватало. Даже когда в каждом бараке установили нары в три яруса, пленницы набиваясь туда, словно сельди в бочку. Какой ни суровой и морозной выдалась зима 1938 года, женщины, коченея от холода обмороженные, резали серпами камыш на берегу озера и сами же строили ещё несколько барачков. В рассчитанных на двести человек помещениях имелось лишь по две печки-буржуйки. Сколько бы камыша и караганника не подбрасывали в них, а жара такой огонь почти не давал. Несчастные женщины лежали на набитых соломой рваных матрасах, тесно прижавшись друг к другу, чтобы как-то согреться.

Многие женщины прибыли в лагерь с грудными младенцами, маленькими детьми. А сколько было среди них беременных, которые здесь же и рожали. Что ни говори, а жизнь есть жизнь, были и такие, что забеременели, уже будучи в лагере. От кого ребёнок, известно лишь матери, но от кого бы он ни был рождён, в том не его вина. Пришлось в лагере открыть больницу для малышей и детский сад. Баринов выступил с инициативным призывом: «Дети, рождённые в лагере, не должны считаться врагами народа» и смог утвердить его в качестве предложения в Москве. Правительство, похоже, было весьма заинтересовано в рождении таких внебрачных, не имеющих отцов, не знающих своего происхождения детей.

В двухстах метрах от огромной территории лагеря, окружённой по всему периметру колючей проволокой, расположились дома обслуживающего персонала и казарма для вооружённой охраны. Двухэтажное деревянное здание управления лагеря тоже находилось здесь. Почти весь верхний этаж занимал кабинет Баринова. По давней устоявшейся привычке он и сегодня пришёл сюда в девять часов утра и начал просматривать письма из центра и газеты, доставляемые сюда скопом, один раз в два-три дня. Особых новостей не было, фронт продвигался на запад... Сейчас велись ожесточённые бои под Курском... Здесь оказался и мешок с письмами, адресованными заключённым, он отправил его сидевшему на нижнем этаже начальнику политотдела майору Мишину. Согласно установленному порядку, именно в его обязанности входит сортировка писем. Хотя много раз было говорено о том, чтобы соблюдалась тайна переписки, но майор НКВД всегда поступал по-своему и распечатывал каждое письмо, пытаясь найти там что-нибудь крамольное.

Через некоторое время Сергей Васильевич поднялся из-за стола и стал расхаживать взад-вперёд по своему просторному кабинету, выстеленному грубо обработанными досками. Затем начальник лагеря, этот широкоплечий, среднего роста мужчина, не достигший ещё пятидесяти лет, с мягкими русыми волосами, зачёсанными назад, с голубыми, как небесная синь, глазами, всегда струившими доброту и участие, подошёл к окну и с жадностью затянулся только что прикуренной папиросой «Казбек». Отсюда, как на ладони была видна территория лагеря с выстроившимися в несколько рядов бараками, возле которых не было заметно ни малейшего движения, вот только у швейного цеха суетились и сновали люди, что-то переносившие с места на место. Да ещё из стоявшего возле столовой грузовика выгружали какие-то ящики. Скорее всего, овощи и продукты, привезённые со складов. Часовой на сторожевой вышке громко переговаривался со стоявшим внизу охранником. А там, за зоной раскинулась широкая и бескрайняя зелёная степь.

Баринов простоял так довольно долго, услаждая свой взор цветущим степным простором, потом вновь вернулся за рабочий стол. На нём лежала стопка не про-

смотренных со вчерашнего дня заявлений, писем и самых разных документов. Когда он протянул руки к ним, то на глаза ему попался нераспечатанный конверт. Только сейчас он вспомнил, что в конце рабочего дня его вручила ему уборщица. Она не уточнила от кого именно это письмо, только сказала, что это «заявление от одной заключённой». Баринов вскрыл конверт и стал читать заявление, написанное красивым почерком. Он еще только пробежал первые его строки, а сердце уже окатила горячая волна возмущения. Опять Мазепа! Да что же это за жеребец такой как завидит женщину, так начинает домогаться её?! Он помнит, что прошлой зимой на того поступило ещё одно заявление, что этот негодяй хотел изнасиловать одну скотницу, а когда женщина не подчинилась, привязал ее морозной ночью к столбу, где та простояла до самого утра и застудила себе лёгкие. Тогда срочно вызванный в Караганду Баринов поручил проверить заявление начальнику политотдела майору Мишину. Какими же оказались результаты тогдашней проверки?

С новой жалобой к нему обращалась не простая заключённая, а младшая сестра маршала Тухачевского – Галина. В своём заявлении она писала, что начальник караула Мазепа долгое время преследовал её по пятам, пока два дня назад в овощехранилище не попытался изнасиловать. Если бы в это время туда не вошла ещё одна женщина, то Мазепа добился бы своей цели. «В вашей воле наказывать нас, родственников “врагов народа”, как вам хочется. Бросайте нас в карцер, расстреливайте, никто вас не остановит. Вот только мы не смиримся с тем, чтобы вы издевались над нами и пытались нас обесчестить. Если не говорить о других, мы ведь русские женщины. Находимся на крайних рубежах России. Как вам не стыдно отдавать на растерзание каким-то никчёмным палачам русскую женщину?» – написала она в самом конце жалобы.

У Баринова запылало лицо. Ему стало стыдно. Стыдно за нынешнюю эпоху, за время, за порядок и дисциплину, установленную нынешней властью. Галину он знал ещё маленькой девочкой, внешне она похожа на своего старшего брата, сейчас красивая, привлекательная женщина. Даже будучи исхудавшей, измученной в лагере, она бросалась в глаза, выделяясь из числа многих женщин. Надо же, какая оказия! Хотя ему и не под силу спасти от наказания родных и близких маршала, но нельзя допустить, чтобы над ними кто-то надругался... Чем же занимается Мишин, почему не призовет к порядку охранников?

В последние годы до него действительно не раз доходили факты тайных интимных отношений между охранниками и заключёнными женщинами. В лагере около десяти тысяч узниц. Многим из них не исполнилось ещё и тридцати лет. За их сердечной кручиной таится горькая обида на свою судьбу. Возможно, и им порой хочется испытать плотское наслаждение, почувствовать себя живыми в столь бесчеловечных условиях, наконец, просто поднять себе настроение. Их отчаянным положением пользуются надзиратели, охранники, вольнонаемные. Потому в лагере немало беременных женщин и детей, рождённых ими вне брака и не знающих своих отцов.

А Мазепа совсем уже распоясался, обнаглел до крайнего предела. Да и женщины он себе выбирает не лёгкого поведения, а красивых, всем известных, даже знаменитых. Теперь решил замахнуть на сестру маршала! Для чего это нужно Мазепе? Для того, чтобы было, чем похвастаться! Чтобы потом рассказывать всем о том, как он тешился с женой такого-то, с сестрой этого самого... Достойные женщины, отданные на поругание и потеху низкому отребью! В таких случаях уместна казахская поговорка: «Если кулан¹⁵ провалится в колодец, то даже лягушка посмеет над ним потешаться».

¹⁵ Дикая лошадь, онагр.

Начальник лагеря нажал на кнопку и вызвал своего находившегося в соседней комнате адъютанта. Тут же в кабинете, словно резвый скакун, очутился молодой лейтенант.

– Найдите мне начальника караула, сержанта Мазепу, – сказал Баринов, всё ещё не разгладив хмуро насупленные брови.

– Есть, товарищ полковник! Если он находится на территории лагеря, то приведу вам его немедленно!

– Найди его, даже если он сквозь землю провалился! Если он не здесь, то куда ещё может деться?

Не прошло и получаса, как в передней раздался топот сапог и чьи-то возбуждённые голоса. Спустя миг в кабинет вошли лейтенант и подталкиваемый им в спину начальник караула. Судя по шуму, поднятому Мазепой, похоже, он в подпитии, однако, приложив правую руку к виску, отдал ему честь. Знакомый облик, личность весьма примечательная. Мужик здоровенный, косая сажень в плечах, бычья шея. Кулаки, словно колотушки. Они-то и прославили его в своём кругу. Раньше, видимо, служил на морфлоте – из-под воротника гимнастёрки выглядывала тельняшка.

– Вызывали, товарищ полковник?

– Ты можешь идти! – отпустил Баринов помощника. И только после этого обратился к начальнику караула. – Ты, что, сержант, в рабочее время пить вздумал?

– У меня сегодня день рождения, товарищ полковник. К тому же у меня сегодня выходной, – сразу же подтянулся Мазепа. – Извините, я не думал, что вы меня сегодня вызовете.

– Вот оно что... Сколько времени ты служишь в лагере?

– Нынче пошёл третий год, товарищ полковник.

– Ты настоящий богатырь, здоров, как бык. Почему не пошёл на фронт, чего тут штаны протираешь?

– Разве фронт сейчас находится не повсюду, товарищ полковник?! Партия прислала меня сюда, потому что для борьбы с врагами народа и здесь нужны надёжные люди.

«И этот, выходит, член партии? Да, хороша компартия, что приняла Мазепу в свои ряды», – подумал про себя Баринов.

– Ты здесь с врагами борешься или же днём и ночью к бабам под подол заглядываешь?! – гневно прорычал начальник лагеря.

Мазепа на это даже бровью не повёл и, растянув рот до ушей, рассмеялся.

– Вы что, товарищ полковник, жалуете вдов врагов народа? Не самое ли время, прижавшись к грудям красавиц, свершить над ними классовую месть? Они и сами не прочь смешать свою кровь с кровью пролетариата...

– Отставить! – крикнул Баринов, ударив кулаком по столу. – На тебя тут поступила жалоба. И по счёту не первая, кстати.

– Не может быть! – удивлённо воскликнул Мазепа. – Как мне известно, бабы мне как будто благодарны. Вы бы слышали, какие страстные слова они мне шептали наедине! Вы не поверите, сейчас женщины встают ко мне в очередь...

– Ты что себе позволяешь?! Советский солдат ты или же бык-производитель на ферме? – Баринову от возмущения кровь в голову ударила. – Женщин делает зависимыми от тебя твоё служебное положение. Это называется «превышением должностных полномочий». Ты знаешь, что на это имеется отдельная статья? А изнасилование считается тяжким преступлением!

– Не я один, многие охранники с бабами тешатся. А откуда, вы думаете, каждый божий день в лагере на свет появляются младенцы? – продолжал артачиться Мазепа.

Да, этот сержант вовсе и не думает ему уступать. Баринов знает, что у здешних военных есть одно слабое место. Они все боятся, как бы их не отправили на фронт. Начальник лагеря вынужден был использовать припасённое на крайний случай оружие.

– Ясно. Остаётся одно, отправить таких, как ты, в действующую армию. Если тебе силу свою некуда девать, то покажешь её фашистам, – сказал он, чиркая что-то на лежавшем перед ним листке бумаги.

Баринов заметил, что Мазепа уходить не торопится. И тут вдруг тот жалобно взмолился к нему:

– Я ведь к строевой не годен, товарищ полковник. У меня контузия головы, да к тому же и сердце слабое...

– Ничего страшного, пойдёшь на фронт, лишний вес скинешь и живо выздоровеешь, – сказал Баринов, не меняя сурового выражения лица.

В этот момент Мазепа, стоявший неподвижно, словно истукан, вдруг бухнулся перед ним на колени.

– Товарищ полковник, до конца жизни буду молиться за вас, не отправляйте меня на фронт... Дайте мне возможность исправиться. Да, это правда, что по молодости я много глупостей наделал. Теперь такое больше не повторится, – умолял он, протягивая к Баринову руки.

– Ты говоришь это честно? – спросил у него начальник лагеря, отложив ручку в сторону.

– Честно. Клянусь партбилетом!

«Да он, оказывается, трус, вон, как испугался, – подумал Баринов. – Это с виду все они ура-патриоты. А на самом деле ни о ком, кроме себя, не думают...»

– Хорошо, считай, что это последнее предупреждение. Но помни, приказ на тебя уже подготовлен. Как только нарушишь дисциплину, в лагере тебе не место... Понял?

– Понял, товарищ полковник!

– Если понял, можешь идти!

Мазепа, словно провинившаяся перед хозяином собака, выглядел сейчас совсем жалко, на лице у него застыло непонятое выражение, то ли пытался улыбнуться, то ли собирался пустить слезу, а сам он, медленно пятясь назад, вышел из кабинета.

На этот раз достаточно того, что он его припугнул. Но начальник лагеря не верил в то, что тот исправится. Разве может в одночасье измениться человек, изначально лишённый стыда и совести? Подумает: «Удалось выкрутиться», а как только выйдет за порог, сразу же возьмется за старое. Но Баринов знал и другое: если взяться за Мазепу чересчур круто, то вместе с начальником политотдела Мишиным они напишут на него докладную. Не они ли разносят о начальнике лагеря такие сплетни: «Баринов, мол, сочувствует врагам народа»?!

В тот же день после обеда начальник лагеря посетил зону и проверил работу столовой и хлебопекарни. В выстроенных в ряд десятке огромных чанов готовился ужин: ячменная каша и капустный суп. В военное время ничего лучше этого и не сварить. И всё же, вызвав завхоза и шеф-повара, Баринов строго-настрого наказал, чтобы хлеб был испечён хорошо, а в суп была добавлена необходимая приправа. Сказать-то он это обязан, но вряд ли от этого что-то изменится.

Затем, выйдя за ворота, направился к раскинувшемуся неподалёку овощному полю. Множество женщин, орудуя лопатами, кетменями и мотыгами, занимались пропалыванием грядок, очищая их от сорняков. Начальник лагеря пришёл сюда не столько проверить, как работают узницы, сколько встретиться с одной из них.

С помощью здешнего бригадира он очень легко нашёл Галину Тухачевскую. Какие бы тяжёлые мысли её ни одолевали, как бы сильно её ни истощило полуголодное существование, но Галина была всё такая же негибимо гордая, изящная и привлекательная. Слегка согнув свою лебяжью шею и глядя исподлобья голубыми глазами, она удивлённо посмотрела на пришедших.

– Здравствуйте, Галина Николаевна! – обратился Баринов к ней, подойдя поближе. – Я ознакомился с вашим заявлением. И принял соответствующие меры. Отныне в лагере такая наглая распущенность не повторится. Прошу у вас прощения за недостойное поведение со стороны охранников.

– Спасибо!.. Насколько же оказывается переменчив этот мир, Сергей Васильевич. В нынешние времена обычный солдат может обращаться с сестрой маршала, как с наложницей, и безо всякого стеснения распускать свои руки, – сказала она, улыбаясь, и взгляд её при этом заметно потеплел. – Если не ошибаюсь, вы в своё время были сослуживцем моего старшего брата. Помню, что вы бывали у нас дома в гостях...

– Так точно, Галина Николаевна, в молодые годы я долгое время служил под началом Михаила Николаевича, получил его воспитание, – ответил Баринов, проявляя к ней участие. Затем оглянулся вокруг и, не заметив никого поблизости, добавил: – Не падайте духом, Галина Николаевна. Всё это временно... Я несколько не сомневаюсь в том, что ваша семья будет полностью оправдана.

– Спасибо, Сергей Васильевич. Ваши слова большая поддержка для меня...

– Наберитесь терпения. Всё во власти времени, – сказал Баринов, слегка склонив голову.

После этого он подходил ещё к нескольким заключённым и, чтобы ни у кого не возникло подозрений, что он пришёл только к Тухачевской, поговорил и с ними. Неизвестно от чего, но в тот день начальник лагеря вернулся домой в хорошем настроении. Он почувствовал такое облегчение, как будто с плеч свалилась огромная тяжесть или же, вернувшись с долгой дороги, смыл с себя всю грязь чистой водой.

IV

Половину одного из барачков занимала больница на пятьдесят коек, а другую – детская лечебница. Вчера десяток женщин отравились на полевом стане несвежей пищей и, мучимые сильным поносом, были доставлены в больницу. Дамели, вышедшая сегодня на своё дежурство, всё утро возилась-носила с ними. Вдруг, услышав отчаянные крики и шум, доносившиеся со стороны детского сада, выскочила наружу.

Вначале она ничего не могла понять. Когда же подошла туда поближе, то всё прояснилось. Сегодня, оказывается, должны были отправить в Караганду около пятидесяти детей в возрасте от трёх до пяти лет. А там распределить их по разным детским домам. С этой целью из областного центра специально прибыли уполномоченные. Две грузовые машины, в кузовах которых расстелили матрасы, стояли заведённые, готовые отъехать. Оставалось только посадить туда детей по списку, составленному накануне. Но это оказалось делом нелёгким. Труднее всего было разлучать рыдающих матерей с плачущими детьми. Самые маленькие из них, словно чувствуя, что их увезут от матерей очень далеко отсюда, громко плакали, а некоторые даже посинели от крика. Охранники силой вырывали из крепких материнских объятий малышек и насильно сажали их в кузов. Руководили всем этим майор Мишин и начальник охраны Мазепа. Оба с трудом пытались отогнать женщин подальше от машин.

– Отойдите, держитесь подальше от детей! Вы – бабы врагов народа, а они чистые советские люди, не прикасайтесь к ним, не то ваша зараза к ним пристанет, – пытался увещевать их Мазепа.

Боже мой, да ведь это суший ужас, о котором казахи никогда прежде не знали! Когда же Дамели видела похожую душераздирающую картину? Да, давно, когда она училась в Ташкенте, и их на несколько месяцев направили на практику в южные районы. Там выращивали каракулевых овец. Не на убой, не ради молока а чтобы заготавливать из них шкурки. Самые красивые получались из смушек только что родившихся ягнят: чёрные, синие, ярко-жёлтые под цвет золота. Их покупали за границей по очень высокой цене. А то, что оставалось, шло на пошив генеральских и полковничьих папах. Кто имел связи, тот мог позволить себе пришивать к пальто каракулевые воротники, о которых в своё время поэт Касым Аманжолов писал: «Я почти никогда не снимал пальто, во времена синих папах и воротников»... Вот ради этих дорогих смушек и резали безжалостно новорожденных ягнят. Их, ещё не достигших двухнедельного возраста, собирали по пастбищам, как только они, насосавшись материнского молока, обсохнув от последней слизи, начинали пощипывать траву. Ягнят, погруженных на машины или арбы, привозили на специальную бойню, где с них, подвесив за коленный изгиб, сдирали шкурку. Какую несказанную жалость вызывала картина, когда овцематки, дружно срываясь с места всем скопом и оглашая всю округу громким и жалобным блеянием, бежали, поднимая пыль столбом, следом за увозимыми от них ягнятами! Останавливались лишь тогда, когда лёгкие чуть ли не разрывались от одышки, и бежать уже не было сил...

Какой ужас! Сегодняшняя картина почти ничем не отличалась от той. Пока полсотни детей рассаживали по двум грузовикам, многие из матерей потеряли сознание. Среди детей, которых увозили в детдом, была и дочь Азизы Рида. Бедная женщина редела во весь голос, словно верблюдица, потерявшая своего верблюжонка, ни за что не желая отдавать свою дочурку. А как отчаянно кричала и плакала очень рано заговорившая Рида! Как она, захлебываясь слезами и словами, говорила матери:

– Апатай¹⁶, теперь мы больше не увидимся? Куда они нас везут? Апа, не бросай меня, пожалуйста... Ты найди меня потом, хорошо?

И тут все окружавшие Азизу женщины с новой силой заревели-заголосили.

Но вот гружённые детьми машины тронулись с места, а несчастные матери побежали следом за ними. Но могли ли они, изможденные, долго бежать? Некоторые из них падали прямо на дороге и теряли сознание. Азиза, только утром услышав на ферме, что «детей будут увозить», примчалась оттуда на взмыленном коне. Она ведь была ветеринарным врачом, а сейчас шел массовый окот, и она день и ночь была возле овец. Задержись она ещё немного, могла бы и вовсе не увидеться с Ридой... Тоуба¹⁷, какие же муки приходится терпеть людям! Расстреляют твоего мужа, как врага народа, тебя самую, ни в чём не виновную, бросят за решетку, ребёнка твоего отберут силой и отправят неизвестно куда! Что же такого мы причинили этой власти, что она так на нас ожесточилась-озлобилась? Сдадим в детдом, говорят! Хорошо, если детей оставят в пределах республики. А вдруг решат отправить их куда-нибудь подальше, на территорию России, – как, где их искать?! – одному лишь Богу известно...

На это, причитая, сетует несчастная Азиза. Возле неё сидят, утешая, сочувствующие ей казахские женщины, такие как Бибижамал, Гуляндам, Шакитай.

¹⁶ Форма ласкового обращения к старшей сестре, родственнице; старшей по возрасту женщине, матери

¹⁷ Обращение к небесам, выражает недоумение.

– Терпи, пережитое со всеми – великий праздник. Вон, увозят ещё несмышлёных детишек, которые младше Риды.

– Проси-моли Бога о том, чтобы дочь была жива-здорова. Как только выйдешь на волю, то обязательно найдёшь её.

– Чем быть здесь, как бельмо на глазу, наверное, уж лучше жить в детдоме.

Так говорили в утешение женщины, пытаясь облегчить ей боль разлуки.

Но Азиза, у которой сердце разрывалось от горя, никак не могла успокоиться. А когда она, причитая, обратилась к ним:

– Сёстры мои, да ведь Рида – не рожденная в лагере безотцовщина. Она ведь была самой младшей из детей, рождённых от Турара... Она появилась на свет через сорок дней после ареста отца. Тогда старшей моей дочери Сауле было всего лишь пять лет. Говорят, что она сейчас воспитывается в одном из детдомов на Украине. Ох, не смогла я уберечь двух моих жеребят, оставшихся после Турара! – то утешавшие её женщины заплакали вместе с ней.

Конечно же, каждый по-своему принимает горе, свалившееся ему на голову. Одно дело, если это были груднички или бывшие в утробе матери младенцы во время её ареста, но ведь было немало детей, рождённых уже в лагере, о которых их матери, усмехаясь, говорили: «Откуда ребёнок – не знаю, ветром, наверное, надуло». Некоторые женщины лёгкого поведения даже рады, что избавились от нагулянных от здешних охранников детей. Они смотрят на это весьма просто: всё впереди, и жизнь еще не кончается.

То, что заключённые столпились в одном месте и подняли невообразимый шум, ничего хорошего не сулит. Поэтому майор Мишин и начальник охраны Мазепа стали разгонять женщин, кого по баракам, кого на работу:

– Бабы, разойдитесь! Эх, да что такое дети, чтобы по ним так убиваться?! Если найдёте себе мужей, ещё многих народить успеете. Ну, а ежели мужа найти не можете, обращайтесь, поможем, – паясничал Мазепа, пытаясь заигрывать с женщинами.

Ну а Мишин мыслил намного глубже.

– Значение сегодняшнего события состоит в том, что мы отделили будущее молодое поколение от врагов народа, – говорил он, пытаясь по своей привычке во всём найти какую-нибудь политическую подоплёку. – А вообще патриоты, истинно преданные родине, выходят из детдомов.

Когда другие женщины разошлись по своим баракам, Дамели с Азизой остались на какое-то мгновение наедине. Дамели завела подругу в больницу, чтобы дать ей успокоительное.

– Сейчас идёт окот. Мне надо возвращаться на ферму, – сказала Азиза, придя немного в себя. – И я не хочу оставаться сегодня здесь, у меня перед глазами стоит дочка, в ушах – голос Риды.

– Потерпи, так бывает в первое время.

– У тебя нет среди скотниц больных, может, поедешь со мной?

– Поехать можно. Но вначале мне надо договориться об этом с главным врачом, – откликнулась Дамели, искренне желая не отпускать Азизу одну.

Спустя час Азиза запрягла в старый тарантас гнедка, на котором недавно прискакала сюда, и две женщины выехали в нём на отдалённую животноводческую ферму. Выросшая в городе Азиза лет на пять-шесть моложе Дамели, она самая молодая из сосланных сюда женщин-казашек, и, к тому же, по характеру очень ранимое, нежное создание. Она была младше мужа своего на пятнадцать лет. Турар, работавший тогда в Москве, приехав однажды в Алма-Ату, увидел красавицу Азизу, учившуюся на втором курсе зооветеринарного института, и стал ходить за ней по пятам, пока

не женился. Так что пришлось ей продолжить начатую учёбу уже в Москве. Они слыли образцовой семьёй, бывшей на слуху у многих. Но, что поделаешь, недолго длилось их счастье. Сидя в повозке, Азиза, горько рыдая, изливала Дамели свою печаль-кручину. Что же это такое? Ниспосланное Богом наказание или же насилие со стороны не знающих жалости людей? В 1937 году, когда их с Тураром арестовали одного за другим, их первенцу – дочери Сауле было всего лишь пять лет, а до появления Риды на свет оставалось менее двух месяцев. Взяли их, когда они отдыхали на Кавказе, словно не могли выбрать более подходящего времени! Сауле сейчас, по слухам, воспитывается в одном из детдомов Одессы. Одному Богу ведомо, признает ли она свою мать, увидев ее. А сегодня у Азизы забрали Риду, которой едва исполнилось пять лет. Эта цифра стала для их семьи роковой! Если бы её мать Ариффа была жива, то могла бы воспитать девочек! Но её тоже арестовали, как тещу Турара, она скончалась в одном из лагерей в России. И её родной брат Шамиль сидит сейчас в тюрьме в Коми АССР. Что же это за бедствие такое? Откуда вдруг, ни с того, ни с сего, взялось так много врагов? Кого они хотят обмануть, над кем издеваются?

Турар, вышедший из самых низов, росший с детства сиротой, был предан Советской власти. Стоило при нём упомянуть о баях-багланах, как тут же у него вскипала кровь, от того и отдался всем сердцем классовой борьбе. Подобно многим своим коллегам, расстрелянным как враги народа, он тоже не сразу понял подлую и коварную политику красной империи. Видя надменный диктат Москвы, он во многих случаях не смог вступить за свою нацию. И не смог найти общий язык с деятелями партии «Алаш», являясь ярим русофилом и слишком советским по своей сути. Азиза в то время была совсем молода, во всем поддерживала своего обожаемого мужа. Что поделаешь, для неё многое стало очевидным лишь позже. Как говорится, счастье слепо, а беда учит...

Рассказывая обо всём этом, Азиза изливала свою печаль. Вот чем хороши мгновения, когда остаёшься наедине с душевно близкими людьми: дашь волю слезам и утишишь свою печаль. Как-то на ферме они с Дамели спросили у Гульжамал-апай, почему она вызвалась на такую тяжелую работу – пасти овец? И она ответила: «Там, в безлюдной степи, я могу вволю выплакаться, вспоминая Беимбета и своих детей. А кому в лагере, находясь среди множества женщин, можно высказать свою печаль? Только вам, когда рядом нет никого посторонних!»

Дамели мучилась всю дорогу, не зная, как утешить и успокоить свою младшую подругу. Обо всём, постигшем их, много раз ими было говорено-переговорено. Где найти слёзы и слова сочувствия? Когда-то давно, когда она жила в ауле, по молодости ее удивляло, как женщины, встретившись в печальные часы проводов умершего в последний путь, причитая, в стихотворной форме высказывали одна другой свою скорбь и кручину. Оказывается, тем самым они разделяли горе, постигшее одну из них, как бы говоря: «Ты не одинока в своей печали, и у меня есть своя бесконечная скорбь». Сейчас Дамели находится именно в таком положении. И она перехватывает у Азизы нить беседы, говоря о выстрадавшем.

Дамели и Азиза – люди одного круга, они с давних пор дружили. Азиза хорошо знала членов семьи Дамели. У обеих мужа-министры были признаны врагами народа и погибли в одно и то же время. Так что горе у них общее. Брат Дамели, Муслим, учился вместе с Азизой в Алматинском зооветеринарном институте. Только его одного в этой семье не репрессировали, хотя и над ним порой сгущались тучи. Единственным отличием Дамели от Азизы являлось то, что даже если бы Темирбек не был «врагом народа», её бы всё равно отправили в лагерь. Потому что дядю этой женщины – Алимхана Ермекова, у которого она воспитывалась, тоже объявили врагом народа. И был он не какой-то рядовой преступник, а один из

вождей партии «Алашорда». Если уж вчерашних красных комиссаров Темирбека и Турара причислили к «врагам народа», то как могли бы уцелеть деятели «Алаша», являвшегося самым непримиримым, кровным врагом империи?! Алеке то и дело бросали в тюрьмы. Как только на небе появлялась туча, над его головой сразу же начинала бушевать буря.

В 1930 году Алимхана Ермекова вместе с Мухтаром Ауэзовым арестовали в Ташкенте и два года держали в тюрьме, пока не заставили написать письма с признанием Советской власти и раскаянием в своих ошибках и идейных заблуждениях. Их освободили из заключения, но прежних должностей не предложили. Несколько лет Ермеков в качестве профессора преподавал математику в учебных заведениях Ташкента и Алма-Аты. Почувствовав, что на казахстанском небе снова сгущаются тучи, он уезжает в Россию, возглавляет кафедру математики в Куйбышевском плановом институте. Но и там находится под слежкой. В 1938 году длинный курук¹⁸ НКВД добирается и туда, Ермекова арестовывают и без суда и следствия приговаривают к десяти годам ссылки. Сейчас он находится в одном из лагерей в Красноярском крае. Одному Богу известно, выжил он там или нет... Когда-то Дамели вычитала в одной книге, если она не ошибается, то это был роман «Спартак»¹⁹: когда Спартак погиб в последней битве, то жена его, предавшись безутешному горю, сказала: «У кого ещё есть такое горе, как у меня?!» Так и горе Дамели вдвое тяжелее, чем у других. Только благодаря своему волевому и мужественному характеру, она никому не рассказывала о своих душевных переживаниях.

– Я рано потеряла отца и воспитывалась у дяди Алимхана – младшего брата папы, – продолжала свой рассказ Дамели. – Мы все были байскими детьми, жили в достатке, о котором не задумывались. До тринадцати-четырнадцати лет я ходила «еркек-шорой», то есть одевалась, как мальчик-подросток. Наравне со взрослыми пасла лошадей, участвовала в кокпаре, приручала норовистых, строптивых коней. Если бы не Алимхан-ага, то, наверное, так и осталась бы в ауле, став капризной, балованной, своенравной девушкой...

– Но всё равно рано или поздно вышла бы замуж. Но, может быть, тогда не встретила бы с Темирбеком, кто знает, – перебила её Азиза.

– Да, если бы не поехала на учёбу в Ташкент, возможно, и не встретила бы с Темирбеком. Тогда, безусловно, жизнь моя сложилась бы совсем иначе... Не вышла бы за министра, не стала бы женой «врага народа» и не сидела бы в заточении.

– Кто знает, какого мужа бы ты встретила, живя в ауле. Возможно, если бы он оказался байско-кулацким элементом, то во время конфискации его бы куда-нибудь сослали? И мы все равно сидели бы в одной арбе?!

Это предположение рассмешило молодых женщин, они обе звонко и от души расхохотались, всполюшив всю степь. Давно они не смеялись так непринуждённо, никого не стесняясь и не опасаясь. И Азиза хотя бы на миг забыла о разлуке с дочерью, почувствовав себя немного легче.

– Да, и на каком же месте своего рассказа я остановилась? – спросила Дамели не столько подругу, сколько себя и, понукая гнедка, стегнула его камчой. – Кстати, я хотела рассказать о том, как дядя Алимхан взял меня к себе и сделал человеком. Именно он, привив мне тягу к учёбе, после окончания мною семилетней русско-казахской школы в Каркаралинске, в 1923 году посодействовал моему поступлению на медицинский факультет Центрально-Азиатского университета в Ташкенте, который я закончила с отличием в 1929 году. В тот же год я вышла замуж за Темирбека. А дальше ты знаешь обо мне всё. – Тут Дамели тяжело вздохнула. – Кто может

¹⁸ Шест с арканом для ловли пасущихся лошадей.

¹⁹ Роман Джованьоли.

предвидеть будущее? Пока радовались своему счастью, нас объявили «жёнами врагов народа», и мы внезапно очутились в АЛЖИРе.

Они долгое время ехали молча. Каждая из них тщетно пыталась развязать сложный узел своих запутанных мыслей. Солнце клонилось к полудню, небо было совершенно чистым, безоблачным. До слуха доносился стрёкот кузнечиков, а откуда-то рядом раздавалось прерывистое пение жаворонка. Слившиеся воедино звуки степи непрерывным и тонко звенящим серебристым потоком возносились прямо к поднебесью, словно исполняя последнюю радостную песню готовой вот вот оборваться брэнной жизни.

По натуре своей впечатлительная и мечтательная Дамели, не выдержав долгого молчания и не желая, чтобы Азиза опять с головой окунулась в свои переживания, попыталась разговорить свою спутницу.

– А где находится твой родной аул? Я как-то не догадалась спросить у тебя об этом раньше, – сказала она, не отрывая глаз от покрытой зеленью степи, которая томно нежилась под ласковым солнцем.

– Да в Жаркенте... Поблизости от границы. На берегу Или...

– Ах, вон оно что. Говорят, Жаркент – восхитительное место. Когда была на воле, так и не выпал случай посетить его...

– Эта южная сторона Джунгарского Алатау. Чудесных, красивых мест там предостаточно. Я хорошо знаю их, потому что и мой отец был ветеринарным врачом. В детстве я верхом на коне вместе с отцом часто ездила по всему краю.

– А я родилась вот в этой самой широкой и необозримой степи – Сары-Арке, – сказала Дамели, влюблёнными глазами восхищённо обозревая окрестности, – между горами Улытау и Кокшетау. Через неё текут великие реки Иртыш, Есиль и Нура. На западе – озеро Кургальджино и горы Ерейментау, на востоке – Баянаул, Каркаралы и Чингистау... И прямо посреди них – Кояндинская ярмарка. Какой тут был обетованный край, изобильная и щедрая земля. Но за последние годы она обезлюдела и опустела. Я всё ещё помню, как до конфискации в этих краях паслись многочисленные стада скота. И дичи было много. Иногда мы издали не могли разобрать, где сайгачьи косяки, а где отары овец. А лошадям и вовсе не было счёта, их косяки и табуны едва вмещались в эти обширные просторы. Ещё в песне одной пелось: «Даже если сорок тысяч лошадей выпьют воду Караколя между Аюлы и Ниязом, то вода его даже не замутится». Эти места находятся отсюда не очень далеко. И где же теперь эти бесчисленные стада скота? Где тысячи и тысячи лошадей? Где миллионы и миллионы овец?

– Ты говоришь о скоте, лучше бы спросила, а куда же подевались люди, жившие здесь? – сказала Азиза. – Теперь-то тебе, наверное, понятно, кому нужен был специально организованный голод 1932 года.

– Ещё как понятно, можешь и не говорить! Всё это ещё с царских времён задумывалось и порождено алчными интересами империи. Цель была только одна – стереть с лица земли казахов, чтобы беспрепятственно и свободно хозяйничать на их землях...

– Это поняли, пока ещё живы, мы вдвоём с тобой. А как же наши мужья – вчерашние красные комиссары? Так и ушли в небытие, ничего не поняв, или же в последние мгновения жизни всё же прозрели, и кусали от этого локти? – возбуждённо заговорила Азиза, ощущая в себе сегодня особенное состояние праведного гнева.

– Ты думаешь, они так ничего и не поняли после пыток и мук, перенесённых в тюрьме? Но что проку, когда на твоей шее уже затянута петля... Жалей не жалей, от этого ничего не изменится, – сказала Дамели. – А вот деятели Алашорды об

этом прекрасно знали. Когда дядя мой Алимхан беседовал в уединении со своими соратниками, то, не скрывая ничего, говорил о том, что ждёт нас всех впереди. Он говорил об этом открыто и на собраниях. Но что поделаешь, основная масса обманутых Советами казахов не поверила в это, не последовала за ними. А наши доморощенные выскочки – горе-активисты пытались заткнуть им рот.

Они снова замолчали надолго. Надо же, как отчаянно заливаются жаворонок, прямо душу изводит! Бедная малехонькая пичужка, о чём она так настойчиво верещит? Какую весть хочет сообщить? Может, она доносит до них радостную песнь весны, или же это плач, печальные напевы скорби?

– С нами уже все ясно, на этом наша жизнь кончена. А что же будет с молодым поколением, с нашими детьми? За это нужно переживать, – сказала Азиза, все ещё не избавившись от горечи разлуки с дочерью. – Неужто наше потомство разбредётся, кто куда, вырастет, лишённое семьи и родительского воспитания, забыв о том, какого оно рода-племени?

– За детей не переживай. Они станут для советского государства своими собственными родными детьми, – громко рассмеялась Дамели. – Ты думаешь, правительство просто так заявило о том, что «дети, рождённые в лагере, к врагам народа не относятся»? Им нужны дети... Нужны рабы, беспрекословно подчиняющиеся им! Таким образом, они объединят всю эту сплошную массу рабов, которые не будут знать национальной и религиозной розни и создадут новую историческую общность под названием «советский народ».

– Храни нас Аллах, даже подумать об этом страшно, –отреагировала Азиза, содрогнувшись всем телом.

Вдоволь наговорившись по дороге, они в полдень наконец-то доехали до фермы. Здесь содержались три стада коров и несколько отар овец. Множество скота, насыщаясь свежей сочной зеленью степных трав, рассыпалось по окрестным оврагам да лощинам. Путники повернули вначале к центральному зимовью, где находился заведующий фермой. Наступила самая пора перекочёвывать на летние пастбища – жайляу. Но где же взять для этого юрты, в которых на отгонах могли бы жить скотоводы? Они были разобраны во время конфискации, а те, что остались, так и сгнили под открытым небом, потеряв своих хозяев во время голода... И теперь скотоводы вынуждены были сами шить себе шатры из непромокающих во время дождей и хорошо защищающих от непогоды армейских брезентовых палаток. В разбитом здесь ауле царило радостное оживление, связанное с массовым окотом: овцы ягнились, а коровы телились. Скотоводы, вволю насытившиеся жирным молозивом, набрали вес и силу и выглядели весьма хорошо. Было время, когда к каждому чабану прикрепляли по охраннику. Теперь же лишь несколько охранников верхом на конях объезжали овчарни и коровники.

Дамели во время беседы с заведующим фермой, человеком пожилым, бывшим заключённым, а ныне работавшим по вольному найму, справилась о здоровье Гульжамал-апай. Он как-то замялся и ответил не сразу, лишь после некоторой паузы наконец-то заговорил:

– Ко времени вы приехали. На сына Гульжамал с фронта пришла «чёрная бумага»²⁰. Там сказано: «Погиб смертью храбрых при форсировании Днепра». Вот ума не приложу, как же мне вручить её несчастной... А что, если мы сейчас пойдём к ней вместе?

Дамели и Азиза при этом страшном известии остолбенели, словно поражённые молнией. Ах, какое же это горе, ведь единственный, о ком Гульжамал-апай денно и

²⁰ Похоронка (каз. қарақағаз).

ночно молила судьбу, был её воевавший на фронте сын, и вот теперь она лишилась и его. Вспомнилось, как в одну из встреч она радостно сообщила, что получила от сына письмо из Сталинграда. Гульжамал придавала этому особое значение и, радостно смеясь, говорила им:

– Вот, видите, мой сын защищает город Сталина, который расстрелял его отца как «врага народа», а мать ни за что, ни про что сослал в лагерь!

Тогда Дамели пыталась её образумить.

– Апай, зачем говорите лишнее, и у стен есть уши! Будьте, пожалуйста, осторожны!

На что мать, доведённая до отчаяния от свалившихся на её голову бед, ответила, как отрезала:

– А как ещё должна рассуждать жена «врага народа»? Самое большое, что они могут сделать, так это расстрелять меня!

Гульжамал радостно и приветливо встретила Дамели и Азизу. Лицо ее просияло, словно весеннее солнце. Надоив овечьего молока, она как раз в это время кипятила его в казане и бросилась угощать подруг густым молозивом. А сама сидит, ни о чём не догадываясь, и высмеивает здешних охранников.

– Что за тупиц сюда собрали, ни о чём с рожденья понятия не имеют. Страсть, какой они на днях шум подняли, когда я доила овцематок. Стали орать на меня: «Это же форменное вредительство против государственного имущества! Из-за вас ягнята голодными останутся». На шум прибежал вот этот начальник фермы и, кажется, смог им толком объяснить, что к чему.

Соскучившись по общению с близкими душами, она будто спешила выговориться. До Гульжамал уже дошел слух о том, что из лагеря увезли малышей и среди них дочь Азизы. И она тут же принялась утешать её:

– Прими смиренно случившееся, сестрёнка! Будь крепкой, как сталь! И это тоже страшное бедствие, нависшее над казахами. Оно не миновало никого, не пощадило даже самых умных и смыслённых людей! А что мы можем сделать?

Гульжамал относилась к породе круглолицых, луноликих, белокожих казахских красавиц. Подобрал с висков под платок слегка посеребрённые волосы, начавшие сесть с тех пор, как её пригнали в лагерь, она продолжила после короткого раздумья:

– Вот я, как видишь, сижу тут, заставив пятерых своих детей скитаться неизвестно где. Когда Беимбета арестовали, то он мне наказал, во-первых, сберечь детей, а во-вторых, сохранить его рукописи и книги. Но что поделывать, эти два его сокровенных желания я так и не исполнила.

Как же сообщить матери, сидевшей в столь приподнятом настроении, о том, что её сын погиб на фронте? Но и скрывать это от неё больше уже нельзя. Начальник фермы, бывший узник Карлага, был мужчина средних лет. Он слегка прочистил горло, собрал волю в кулак и наконец-то решился сказать ей:

– Гульжамал, не нам учить тебя жизни. Вот ты сама сейчас сказала своим сестрёнкам слова утешения... Ты мужественная женщина, многое повидавшая в своей жизни, и верю, что вынесешь ещё одно горе, постигшее тебя... Эта подлая и злобная война многих заставила рыдать и плакать. Вот и твой...

Тут он осёкся и растерялся, не в силах договорить начатые слова, так как чувствительная Гульжамал приглушённо спросила у него:

– Что случилось? Не хочешь ли ты сообщить чёрную весть про моего Аукена?

– Да, именно это... Сын ваш Аукен геройски погиб, когда они форсировали реку Днепр, – договорил начальник фермы то, что хотел сказать, и вручил ей похоронку.

Дамели ожидала, что Гульжамал-апай, услышав скорбное известие, сразу же завопит, заголосит, заревёт белугою, и внутренне была готова утешить и успокоить её. Но вопреки ожиданиям, не было ни долгого унылого плача, ни распущенных от горя волос, ни царапанья лица. Гульжамал сидела, неподвижно застыв и держа в руках похоронку. Видимо, от непрестанного горя выплакала она все свои слёзы. Из глаз её, как из узенькой расщелинки в скале, сорвались лишь две скупые слезинки, медленно скатились по её белому лицу и остановились на подбородке.

– Я знала, что Аукен погибнет... Недавно видела сон, – заговорила она чуть погодя. – Жеребеночёк мой в этом сне был рядом со своим отцом. Они держались за руки и уходили куда-то вдаль... Покойный Беимбет говорил ему, когда был жив: «Ты будущий хозяин нашего шанырака, отчего дома», и пылинке не давал сесть на его голову... Я думала, что дух-аруах отца охраняет-оберегает его... А оказалось, что он собирался забрать его с собой.

– Война истребляет сейчас миллионы людей. Погибшие за родину святы. Мужайтесь, женеше²¹! – сказала ей Дамели, не зная, какие слова ещё подобрать.

– Да, в такие времена погибнуть от вражеской пули, а не от рук твоего собственного правительства – слава и подвиг, – сказала Гульжамал, словно соболезнуя не самой себе, а кому-то другому. – Написали, значит, «погиб смертью храбрых»? Да, это в крови у всех в его роду по отцу... Стоит им сказать, что враг идёт, не колеблясь голову сложить готовы. Его предки – Амангельды²² и Кейки-батыр никогда перед врагом не робели. К тому же несчастный мальчик был готов пойти на всё, чтобы восстановить честь своего отца... Как говорили жившие до нас: «Дерзкую дичь пуля найдёт всегда».

На этом своего рода церемониал извещения о смерти, соболезнования и утешения завершился. И в этот тяжёлый момент начальник фермы показал своё истинное человеколюбие.

– Ты, Гульжамал, сегодня и завтра на работу можешь не выходить. А сегодня принесём в жертву барана и прочтём поминальную молитву по герою, погибшему на фронте! – обратился он к ней весьма учтиво.

Собравшийся возле них люд, и стар, и млад, разошелся по своим местам. Сейчас народ не удивит чьей-то смертью. А живым надо заниматься своими повседневными делами. Мёртвого не воскресишь. Дамели и Азиза тоже приступили к своим обязанностям.

V

Казалось, ещё только вчера на землю Сары-Арки пришла осень, но никто и глазом моргнуть не успел, как внезапно с густыми снегопадами да буранами нагрянула зима. Заклѳчѳнные женщины, чувствовавшие себя всё лето согретыми природной лаской и, как бы тяжела ни была их работа и бытовые условия, пребывавшие в приподнятом настроении, вновь съѳжились от холода и попрятались по баракам. В этом году серьёзное беспокойство у лагерного начальства вызывала заготовка топлива на зиму. Весь камыш и караганник, росший в окрестностях, был срезан и сожжѳн еще в первые годы. Начиная с прошлого года стали завозить уголь с одной из шахт из-под Караганды. Взамен расплачивались животноводческой продукцией, пшеницей, овощами. Уголь давал достаточно тепла, что было значительно экономнее, чем заготавливать горы камыша.

²¹ Ласковое обращение от женге – невестка (жена старшего брата или близкого родственника). Здесь подчѳркивается особое уважение к старшей по возрасту женщине.

²² Амангельды Иманов – руководитель народного восстания на севере Казахстана, один из лидеров национально-освободительной борьбы и герой гражданской войны в 1916–1919 годах

И ещё одной не менее важной работой был занят Сергей Баринов: освобождением отбывших срок наказания и приёмом вновь прибывших заключённых. Похоже, в этой стране «враги народа» и «шпионы» никогда не переведутся, стоит освободиться одному, как на его место тут же приходит другой. В 1938 году первая волна осуждённых женщин была приговорена к пяти или же к восьми годам заключения. У тех, кто отбыл пять лет, срок истекал уже в этом году. Их было не так уж и много, всего лишь одна-две тысячи. Все они были высланы сюда из России. Если освободить их всех разом, то в лагере станет «посвободнее». Но, видно, сидящие в верхах полагают, что содержать заключённых на казахской земле значительно дешевле, потому что какая другая причина у недавно пришедшего приказа: «К вам решено перевести несколько сот заключённых из российских лагерей, готовьте для них места». Ничего не попишешь, надо будет принять их.

Но и те, чей срок истёк и кто уже вышел на свободу, не торопились покидать Казахстан в ближайшее время. Дело в том, что освобождённые не имели права сразу же выезжать в такие большие города, как Москва, Ленинград и Киев, к тому же последние два города ещё не оправились один после блокады, а другой после немецкой оккупации. Поэтому женщинам было удобнее оставаться в окрестностях Караганды и Акмолы, чем останавливаться в маленьких российских городах, разрушенных в ходе боёв за их освобождение. Многие женщины, только покинув лагерь, начинали искать своих детей, отправленных в детские дома. А найдя их, возвращались назад в малонаселённый, не испытывавший слишком острой нужды в продуктах питания Казахстан с его огромной территорией, чтобы остаться здесь навсегда. Это было на руку и государству. Для тех, кто решил остаться в Казахстане, дорога была открыта, необходимые бумаги оформлялись быстро.

Когда стали пересматривать папки с заведёнными на заключённых делами, выяснилось, что по отношению к осуждённым женщинам были допущены грубейшие нарушения. В некоторых случаях осудили всех до единого членов семей «врагов народа»: жён, матерей, сестёр, сыновей и дочерей. Или же имели место случаи, когда вместе с новыми жёнами в ссылку отправляли и бывших. Бывало и такое, что в лагере иногда знакомились друг с другом их жёны и любовницы. По отношению к ним не велось ни следствия, ни судебного производства, их даже не допрашивали. Если ты жена «врага народа», то всё, отправляйся в ссылку на пять или же на восемь лет.

И еще одна закономерность: всем казахским женщинам был определён срок заключения восемь лет. То ли подумали, раз уж они живут на своей земле, то им и спешить некуда, никого из них не ссылали на пять лет. Срок наказания наших героинь истекал через три года, то есть в 1946 году. Несчастные, стойко перенося все страдания и невзгоды, с нетерпением ожидали того дня, когда они наконец выйдут на свободу и с надеждой смотрели в будущее.

В жизни лагеря не происходило чрезвычайных перемен. Всё то же монотонное ежедневное прозябание, мучительно долго и тягостно тянувшиеся месяцы, беспросветные дни, похожие один на другой. И всё же жизнь здесь не остановилась. Понятное дело, где присутствует женский пол, там всегда она находит своё продолжение. С прошлого года в лагере на свет появилась сотня-другая детей. Начальник политотдела майор Мишин вёл строгий их учёт и готовил к отправке в детдома тех, кто уже подрос. Вот так, на обломках разрушенных семей «врагов народа» рождались и росли будущие «советские патриоты».

Кстати, причиной появления немалого числа этих «патриотов» был начальник охраны Мазепа. Недавно его постигло горе. Как бы ни противно было рассказывать

об этом из ряда вон выходящем, непристойном событии, нельзя умалчивать о том, что действительно имело место быть в жизни. К тому же писатель ответственен за судьбу каждого своего героя. Нравится ли он или неприятен, читатели должны знать, как сложилась его дальнейшая судьба.

Мы, помнится, оставили начальника охраны Мазепу в момент, когда тот просил прощения у начальника лагеря за своё разнузданное поведение. Но, как и предполагал Баринов, это был лишь обман. С какой стати у него внезапно могли пробудиться человечность, стыд и совесть, которые ему были чужды сызмальства?! Он не то что не исправился, наоборот, распоясался пуще прежнего и обнаглел до крайнего предела. Он даже теперь мог позволить себе пропускать мимо ушей замечания начальника лагеря, потому что Мазепа нашёл поддержку от вышестоящего руководства там, где он её и не чаял найти.

– Роль товарища Мазепы в деле укрепления морального равновесия женщин и благотворного воздействия на их поведение весьма значительна, – начал своё выступление один из представителей вышестоящих структур, а речь завершил следующими словами: – Поэтому пусть вас не пугает то, что в лагере появляется много новорождённых детей. Они – наше будущее, они возмещают наши потери, понесённые на войне!

После таких слов не только Мазепа, но и другие охранники стали проявлять бурную активность. Солдаты, ходившие раньше по струнке, почувствовали призыв к действию и пустились во все тяжкие, словно волки, напавшие на отару овец. А Мазепа превратился в баловня всего лагеря. Тут же по лагерю распространились явно преувеличенные слухи о том, что «Мазепа, оказывается, мужик очень сильный, сколько бы ни проскакал, а устали не ведаёт. Мол, правительство прислало его специально, чтобы он здесь помогал женщинам». Есть такая поговорка: «Джигита, которого хвалит народ, вниманием удостоит любая девушка». Сразу же умножилось число заключённых, которые не прочь были разделиться с ним телесные утехы. Одной из таких была кавказская женщина по имени Анастасия, из числа любовниц «врагов народа». Отбыв пятилетний срок заключения, в скором времени она собиралась выйти на волю.

Между тем Мазепа в своей вседозволенности пресытился обычными ласками, перейдя к извращённым их формам. Теперь Мазепа не искал тёплого местечка. Где бы ни застало его вожделение, он заставлял женщину встать на колени, а сам растёгивал штаны. Многие жертвы его внимания сопротивлялись. Однако Мазепе нравилось ломать их сопротивление, для него это был способ лишний раз отомстить врагам народа. За что и поплатился. Однажды очередь дошла до Анастасии. Начальник охраны напился до такой степени, что едва держался на ногах, увлекая её за угол столовой. Однако кавказская красавица не подчинилась его столь омерзительному капризу. Ну, а Мазепе не впервой было укрощать строптивниц, Он жестоко избил её и принудил встать на колени прямо на снегу. Не стерпевшая такого позора и унижения женщина своими острыми, как нож, зубами впилась в его причинное место. Раздался отчаянный крик Мазепы, похожий на ржанье только что ожеребившейся кобылы. Белый снег обильно оросился алой кровью.... На душераздирающий крик Мазепы сбежались охранники и повара. К счастью, лагерный лазарет находился неподалёку, туда его быстро и отвели. Оказали первую помощь. Но здешние врачи не смогли ничего сделать, и пришлось отправить горемычного в акмолинскую больницу на грузовой машине, перевозившей продукты. Положение Мазепы оказалось весьма плачевным. Он пролежал в больнице около месяца. Но те, кто был осведомлён, утверждали, что теперь его мужское достоинство годилось разве на то, чтобы справить малую нужду.

А следом разгорелся настоящий скандал. Сотрудники НКВД под началом майора Мишина усмотрели в самозащите заключенной покушение на жизнь советского воина. Бедную Анастасию отправили в Акмолинскую тюрьму, хотя начальник лагеря Баринов и его сторонники имели на этот счёт другое мнение. На следующее утро после ее ареста женщины лагеря подняли бунт. Такого волнения в истории АЛЖИРа не наблюдалось никогда. На лагерном плацу собралось около пяти тысяч человек, целый день они не выходили на работу. В те годы в этой стране не было понятия о правах человека. Но, однако, они громко скандировали:

– Свободу Анастасии!

– За глумление и насилие над женщинами привлечь Мазепу к позорному суду!

Как усмиришь такую толпу? Против толпы – не попрёшь! Заключённых избивали, на них орали, спускали овчарок, пугали выстрелами вверх. Но разгневанных утихомирить не удалось. Наконец, из Караганды и Акмолы прибыло руководство НКВД, посчитало, что об этом событии распространяться нигде не надо, и быстро навело порядок.

Анастасию же в недолгом времени выпустили из тюрьмы, быстро оформив все бумаги, и отправили на Кавказ. Мазепа тоже в лагерь не вернулся. С каким лицом он мог показаться здешнему народу? По личной просьбе его перевели в Россию. Как говорится: «Резвый конь в конце концов остаётся без ног», с позором он вернулся на родину.

Итак, бунт, внезапно вспыхнувший в Акмолинском лагере, на следующий же день прекратился, и всё встало на свои места. Но разговоры о Мазепе не утихали ещё долгое время. О нём стали ходить легенды и были. Одни в них восхваляли его, другие – порицали.

– Жаль, а ведь какой был мужик, – выразила своё огорчение одна из женщин.

– Мазепе есть чем гордиться. Вон какой след после себя оставил. По меньшей мере половина детей, родившихся в лагере, его потомство, – сказала другая.

– За то, что он один произвёл на свет столько будущих «патриотов», Мазепе вполне можно было бы присвоить звание героя, – заявила третья.

А хорошо уже знакомые нам казахские женщины обрадовались, что избавились от такого ужасного человека. Когда Гульжамал только узнала обо всём произошедшем от Дамели, то не скрывала своей искренней радости.

– Боже мой, как хорошо! Я так боялась, что однажды он станет помогать и вас.

– Вы единственная, к кому Мазепа был равнодушен, – лукаво поддела ее Дамели, которая привыкла к Гульжамал обращаться по-свойски, как это обычно делают золовки по отношению к своим снохам.

– Да ну тебя, девчонка, несешь, однако, всякую чушь. А вам, мои красавицы, надо себя поберечь, – нашлась что ответить и Гульжамал.

Почему бы не пошутить над угрозой, которая миновала? Почему бы не напомнить друг другу, что они молодые, привлекательные женщины, что им еще жить да жить...

ЭПИЛОГ

Говорят: «Если даже утро не захочет наступить, то день всё равно заставит его сделать это», прошло время и опасная рана, появившаяся на лоне казахской степи, – АЛЖИР, исчезла с лица земли. В 1953 году со смертью Сталина прекратил свою работу и женский лагерь. Все, кто отбыл срок наказания, и все, для кого он еще не прошел, стали возвращаться в родные края.

Как говорится, слепой молит о том, чтобы глаза его прозрели. Как только узники лагеря вышли на свободу, стали искать своих детей, которые во время их ареста были отданы в детдома. Многие нашли. Вот только большинство из тех детей, кто попал в дома малюток ещё в младенческом возрасте, не выжили. Лишившись матерей, груднички и не окрепшие ещё малыши не смогли вынести ни голода, ни болезней военного лихолетья. А сколько было тех, кто и вовсе пропал без вести. А те дети, которых матери нашли живыми, порой уже выросли и стали для них совсем чужими. Самое главное, вряд ли теперь они были казахами, солью своей земли. Некоторые не сразу признали своих матерей. Даже по возвращении домой они держались с родными и близкими отчуждённо, и лишь спустя долгие месяцы с трудом привыкли к новой для себя среде, утратив исконно казахские черты, свой язык. Но не с этой ли целью с давних пор задумывались все эти гонения-притеснения: выловить-выудить лучших представителей нации, разрушить их семьи, разлучить с детьми, а подрастающее поколение лишить языка, национальной самобытности и родословной.

В этом отношении можно сказать, что империя цели своей достигла. По сути, и Карлаг, и АЛЖИР размещены были на казахской земле не случайно. В недолгое время вся казахская степь превратилась в огромный лагерь. Кремль насильственно переселял в Казахстан все неугодные ему народы, казавшиеся непокорными и не вызывавшими у него доверия. В годы войны, подозревая, что они перейдут на сторону Германии или Японии, с Дальнего Востока выслали корейцев, с Кавказа – чеченцев и ингушей, карачаевцев и балкар, с Поволжья – немцев. Насильно, в 24-часа, запихав в эшелоны... Их переселили на казахскую землю, чтобы, лишив казахов самоидентификации, а переселенцев – языка и родословной, сделать из всех единый советский народ. Правящая верхушка даже не скрывала этого, объявив Казахстан – «лабораторией дружбы народов». В этой «лаборатории» они собирались смешать нации друг с другом и переплавить их в новую историческую общность.

И всё же балшабеки²³ не смогли полностью достичь преследуемой ими цели. Нации, вопреки их замыслам, не такая простая сущность, чтобы взять да очень легко перемешаться между собой, поглотить друг друга и исчезнуть с лица земли. Вот только в ходе этой коварной кампании самый большой урон был нанесён казахам, которые ещё во время голода тридцатых годов потеряли половину своей численности и совсем духовно ослабли. Положение пришлых было всё же не столь плачевным: и чеченцы с ингушами, крымские татары и корейцы, и немцы язык свой и традиции смогли сохранить. И многие из них вернулись на земли предков спустя многие годы после смерти Сталина, когда наступили лучшие времена...

Ничто не вечно под луной! То ли ей отлилась в наказание невинно пролитая кровь расстрелянных по ложным доносам граждан, то ли отозвались отчаянные проклятья женщин, чья загубленная молодость прошла в лагерях в слезах и унижениях, то ли её покарала горькие рыдания детей, жестоко разлучённых с родителями, но спустя около сорока лет неожиданно распалась на множество частей казавшаяся нерушимой и незыблемой последняя империя в мире – СССР. Развалилась, как колосс на глиняных ногах, сама собой, без единого выстрела, без вооружённых переворотов! Ни пять миллионов солдат, стоявших на её рубежах стальной стеной, ни коммунистическая партия с двадцатью миллионами своих членов, правившая этой страной, ни КГБ, возникший вместо упразднённого НКВД, ничего не смогли сделать. Вожди компартии даже не удосужились выступить перед народом и рассказать хотя бы в нескольких словах о причинах всего этого!

²³ Искажённое от «большевики», здесь сказано с оттенком презрения и уничтожения.

Навеки в нашей памяти останется 1991 год. На этот раз рассвет свободы встал не на востоке, а на западе. С нетерпением ожидавшие его союзные республики, с трудом выносившие гнёт империи, одна за другой объявляли о своей независимости. Утро свободы, начавшееся на берегах Балтики в летние месяцы, осветило своими лучами кавказские республики, а ближе к осени достигло и Средней Азии! В тот год 31 августа отделились кыргызы, а 1 сентября и узбеки. Мы думали и ожидали, что очередь теперь за нами, что не пройдёт и недели, как и казахи поднимут своё собственное знамя. Наверное, мозги наши были замутнены ещё со времён «лаборатории дружбы», но мы никак не хотели расставаться со «старшим братом». Что поделаешь, казахи на этот раз доказали, что являются самыми верными, самыми преданными сателлитами империи... Пока, наконец, 8 декабря 1991 года три основные опоры империи: Россия, Украина и Беларусь не разошлись по своим домам, и СССР не был упразднён. На старом становище развалившейся империи, удивляя весь мир, оставался лишь Казахстан. Задержись мы в таком подвешенном состоянии ещё немного времени, и напроць бы выпали из этого ряда стран, и вряд ли кто-нибудь признал нас самостоятельным государством. Поэтому мы 16 декабря объявили себя наконец-то независимой суверенной республикой! Возможно, сейчас некоторые с гордостью будут рассказывать последующим поколениям о том, что добились независимости для своего народа, потратив много усилий и ценой жертв. Но такова уж истинная картина, которую мы видели сами.

И всё же мы должны благодарить судьбу и за это. Теперь ясно, почему мы долго не протягивали руки к свободе, потому что всё ещё ожидали сигнала со стороны России, примет ли она нас в свой состав. Но, на наше счастье, руководство этой страны отвергло своих «преданных рабов». «Вы называетесь союзной республикой. Так что пока, как и другие республики, берите независимость. Если мы теперь сможем удержать в своём составе около двадцати автономных республик, то и это можно считать для нас большой удачей», – сказав это, оно отказалось от нас, как от лишней обузы.

Неслучайно наши доморощенные большевики не хотели принимать независимость, ведь она требует огромной ответственности. Если хочешь обрести свободу, то встают проблемы укрепления рубежей государства, проведения деколонизации общества, то есть полного освобождения его от последствий колониализма, оправдания жертв репрессий, установления памятников великим сынам нации, развития национальной культуры и языка. К сожалению, все эти меры претворялись в жизнь слишком инертно, безынициативно, медленно. Всё ещё остававшиеся у власти балшабеки не торопились менять жизненный уклад населения. Не хотели затрагивать имевшие место в недавней истории национальное угнетение, насилие, чинимое со стороны империи, голод и геноцид, постигшие казахский народ.

Вопрос о том, что на месте, где располагался печально известный лагерь АЛЖИР, надо установить памятный знак и открыть музей поднимался общественностью с первых лет независимости. Но лишь в 2007 году строительство мемориального комплекса АЛЖИР началось. И сейчас в тридцати пяти километрах от города Астаны (бывшая Акмола) вдоль Кургальджинской трассы стоит мемориальный комплекс «Лагерь АЛЖИР». Здесь расположен и музей с множеством различных экспонатов. Но не сохранился ни один из барачков. Ещё в далёкие годы те, кто приехал сюда осваивать целину, сровняли с землёй место, где находился лагерь. Кто знает, может, сделали это намеренно, чтобы скрыть следы имперского произвола. Только сохранился один из «вагонов мучений», на которых привозили сосланных в лагерь женщин из разных концов СССР. Этот старый вагон стоит нынче у во-

рот, как память о прошлом. Обычный вагон-теплушка с железными дверями и с решётками на окнах, у стен которого стояли двухъярусные нары, а прямо в полу зияет овальная дыра (прямо здесь и справляли нужду). Заключённых перевозили в них из далёких краёв порой неделями.

Самый примечательный памятник – выложенная чёрным мрамором стена, опоясывающая музей. На ней в алфавитном порядке выбиты имена около двадцати тысяч женщин, отбывавших здесь заключение за время существования АЛЖИРА с 1938 по 1953 год. Здесь мы легко отыскивали имена наших героинь. В своё время во всём СССР не осталось ни одной нации, из которой не вышли бы «враги народа». Очевидно, что сосланные-согнанные сюда женщины, отбывавшие здесь наказание, являлись представительницами всех наций. А раз это так, то мемориал является общим для всех стран СНГ, а не сугубо казахстанским. Это одно из ужасных мест XX века, где в тяжёлых условиях содержалось около двадцати тысяч женщин. Так неужели вы думаете, что потомки их не хотели бы посетить то место, где притесняли, истязали и мучили их бабушек и даже прабабушек. И где они стойко выживали, чтобы вернуться к своим детям, вернуться к жизни! Ещё как хотели бы! Память об этом не должна прерываться! Но, что поделаешь, пропаганда этого мемориального комплекса ведётся недостаточная. «АЛЖИР» не вошёл даже в список исторических достопримечательностей международных туристических маршрутов. Гостям из далёких стран мы спешим показать блестящие дворцы и небоскрёбы (как будто там нет подобных сооружений, и это для них экзотика), а мемориальный комплекс «АЛЖИР», которому, наверное, нет аналогов в мире, остаётся для них тайной.

Итак, наше небольшое повествование подходит к завершению. Так пусть же, посещая время от времени музей «АЛЖИР» и представив перед своим мысленным взором страдания и муки, перенесённые в этих местах невинно осуждёнными матерями, помолимся за них и пожелаем, чтобы такая не виданная ни в какой другой стране мира трагедия больше никогда не повторилась! Чтобы больше никакой захватчик-колонизатор, внезапно вторгнувшийся на нашу землю, не поработил наш народ и не глумился над ним, как ему вздумается.

Пусть земля наша обретает своих истинных хозяев и пусть на неё сойдёт благословение Создателя-Творца! В одно время наши предки жили свободно и вольно, не зная ни произвола, ни тюрем. Пусть дух предков поддерживает казахов! Аминь!

2.09.2010 – 28.09.2010

Перевод Романа Токбергенова.

